Информация для цитирования:

Кокова Д. А. Публично-правовая и частноправовая природа семейного правоотношения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 2(68). С. 234–250. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-234-250.

Kokova D. A. *Publichno-pravovaya i chastnopravovaya priroda semeynogo pravootnosheniya* [Public-Law and Private-Law Nature of Family Legal Relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 2(68). Pp. 234–250. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-234-250.

УДК 347.61/.64
DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-234-250

Публично-правовая и частноправовая природа семейного правоотношения

Д. А. Кокова
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова
Чегемский нотариальный округ Кабардино-Балкарской Республики
E-mail: d.kokowa@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.04.2025

Введение: *дуализм в праве, обусловленный дифференциацией сфер частного и публичного права, получил обстоятельное теоретическое осмысление, однако не был рассмотрен ранее в фокусе семейных правоотношений. В рамках настоящего исследования предпринята попытка комплексного изучения научных теорий, объясняющих механизм разделения права на частное и публичное (теории предмета правового регулирования и теории метода правового регулирования), а также их взаимосвязи с материальными и формальными критериями деления права на частное и публичное. Особое внимание уделено выяснению публично-правовой и частноправовой природы семейного правоотношения в контексте дискуссии о самостоятельности семейного права как отрасли права. Предлагается вопрос о принадлежности семейного права к частному или публичному трансформировать в решение проблемы баланса в соотношении частных и публичных интересов.* ***Цель:*** *формирование научного представления о семейном правоотношении через призму теории дуализма права, а также теории интереса, выполняющего критериальное значение в рамках предлагаемого концепта.* ***Методы:*** *онтологической составляющей настоящего научного изыскания выступил традиционный нормативизм, предопределивший алгоритм познания объекта изучения. При подготовке исследования автор исходил из представления о всеобщей связи явлений и процессов, обстоятельно аргументированной в рамках материалистической диалектики. Широко применялись общенаучные методы, включая индукцию, дедукцию, аналогию, абстрагирование, сравнение и др. Акцентируя внимание на значении частноправовых методов, использованных в ходе исследования, необходимо отметить следующее: благодаря догматическому правовому методу была воссоздана действительная картина публично-правового и частноправового регулирования семейных отношений; в процессе толкования правовых норм семейного и иного отраслевого законодательства был уяснен смысл правовых предписаний, что позволило аргументировать сформулированные в работе выводы; в результате опоры на историко-правовой метод автору удалось проследить эволюцию научных представлений о дуализме в праве, о самостоятельности семейного права как отрасли права и т. п. Кроме того, большое значение для настоящего изыскания имел межотраслевой метод, позволивший учесть межотраслевые отношения семейного права и взаимосвязанных с ним отраслей права.* ***Результаты:*** *доказано, что выяснение публично-правовой или частноправовой направленности охраняемого интереса позволяет определить и соответствующую этому интересу правовую*

© Кокова Д. А., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Information for citation:

Kokova D. A. *Publichno-pravovaya i chastnopravovaya priroda semeynogo pravootnosheniya* [Public-Law and Private-Law Nature of Family Legal Relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 2(68). Pp. 234–250. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-234-250.

Кокова Д. А. Публично-правовая и частноправовая природа семейного правоотношения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 2(68). С. 234–250. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-234-250.

UDC 347.61/.64
DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-234-250

Public-Law and Private-Law Nature of Family Legal Relations

D. A. Kokova
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
Chegem Notarial District of the Kabardino-Balkarian Republic
E-mail: d.kokowa@yandex.ru

Received 22 Apr 2025

Introduction: *legal dualism, conditioned by the differentiation of the private and public law spheres, has been given a thorough attention in theoretical studies but was never considered with a focus on family legal relations. This paper attempts to comprehensively study scientific theories explaining the mechanism of separation of law into private and public (theories of the legal regulation subject and theories of the legal regulation method), as well as their relationship with the material and formal criteria for dividing law into private and public. The study pays special attention to clarifying the public-law and private-law nature of family legal relations in the context of discussing the independence of family law as one of the branches of law. It is proposed to transform the question of classifying family law under private or public law into solving the issue of the balance of private and public interests. The* ***purpose*** *of the study is to form a scientific understanding of family legal relations through the prism of the theory of dualism of law as well as the theory of interest as performing the function of a criterion within the framework of the proposed concept.* ***Methods:*** *traditional normativism served as the ontological component of this scientific study and predetermined the algorithm for the research object cognition. The author took as a premise the idea of a universal connection between phenomena and processes, thoroughly substantiated within the framework of materialistic dialectics. The study employed general scientific research methods, including induction, deduction, analogy, abstraction, comparison, etc. Special scientific methods were particularly helpful: the actual picture of public-law and private-law regulation of family relations was outlined using the dogmatic legal method; the meaning of legal regulations was clarified in the process of interpreting the legal norms of family legislation and legislation of other branches, which made it possible to substantiate the conclusions formulated in the work; the historical-legal method helped the author trace the evolution of scientific ideas about dualism in law, about the independence of family law as a branch of law, etc. In addition, the inter-branch method was of great importance for this study since it made it possible to take into account the inter-branch links between family law and the related branches of law.* ***Results:*** *the study has proved that revealing the public-law or private-law focus of the protected interest makes it possible to determine the legal nature of family legal relations that corresponds to this interest.* ***Conclusions:*** *the heuristic and methodological significance for modern family law doctrine of dividing law into private and public is clarified; the fundamental impossibility is proved of identifying family legal relations as those having unambiguously public-law or private-law nature; specific examples show the critical importance of interest in determining private-law or public-law effects on social relations; the paper*

© Kokova D. A., 2025

This work is licensed under CC BY 4.0. To view a copy of the license, visit https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

природу семейных правоотношений. ***Выводы:*** *выяснено эвристическое и методологическое значение деления права на частное и публичное для современной семейно-правовой доктрины; доказана принципиальная невозможность однозначной констатации публично-правовой или частноправовой природы семейного правоотношения; на конкретных примерах показано критериальное значение интереса при определении частноправового или публично-правового воздействия на общественные отношения; в системном виде приведены доказательства самостоятельности семейного права как отдельного элемента российской правовой системы; аргументирована действительная потребность в легальной дефиниции понятия «семья».*

Ключевые слова: дуализм в праве; семейное правоотношение; охраняемый законом интерес; критериальное значение интереса; баланс частных и публичных интересов; легальный семейно-правовой терминологический аппарат; понятие «семья»

Public-Law and Private-Law Nature of Family Legal Relations

D. A. Kokova
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
Chegem Notarial District of the Kabardino-Balkarian Republic
E-mail: d.kokowa@yandex.ru

Received 22 Apr 2025

Introduction: *legal dualism, conditioned by the differentiation of the private and public law spheres, has been given a thorough attention in theoretical studies but was never considered with a focus on family legal relations. This paper attempts to comprehensively study scientific theories explaining the mechanism of separation of law into private and public (theories of the legal regulation subject and theories of the legal regulation method), as well as their relationship with the material and formal criteria for dividing law into private and public. The study pays special attention to clarifying the public-law and private-law nature of family legal relations in the context of discussing the independence of family law as one of the branches of law. It is proposed to transform the question of classifying family law under private or public law into solving the issue of the balance of private and public interests. The* ***purpose*** *of the study is to form a scientific understanding of family legal relations through the prism of the theory of dualism of law as well as the theory of interest as performing the function of a criterion within the framework of the proposed concept.* ***Methods:*** *traditional normativism served as the ontological component of this scientific study and predetermined the algorithm for the research object cognition. The author took as a premise the idea of a universal connection between phenomena and processes, thoroughly substantiated within the framework of materialistic dialectics. The study employed general scientific research methods, including induction, deduction, analogy, abstraction, comparison, etc. Special scientific methods were particularly helpful: the actual picture of public-law and private-law regulation of family relations was outlined using the dogmatic legal method; the meaning of legal regulations was clarified in the process of interpreting the legal norms of family legislation and legislation of other branches, which made it possible to substantiate the conclusions formulated in the work; the historical-legal method helped the author trace the evolution of scientific ideas about dualism in law, about the independence of family law as a branch of law, etc. In addition, the inter-branch method was of great importance for this study since it made it possible to take into account the inter-branch links between family law and the related branches of law.* ***Results:*** *the study has proved that revealing the public-law or private-law focus of the protected interest makes it possible to determine the legal nature of family legal relations that corresponds to this interest.* ***Conclusions:*** *the heuristic and methodological significance for modern family law doctrine of dividing law into private and public is clarified; the fundamental impossibility is proved of identifying family legal relations as those having unambiguously public-law or private-law nature; specific examples show the critical importance of interest in determining private-law or public-law effects on social relations; the paper presents evidence of the independence of family law as an individual element of the Russian legal system; the need for a legal definition of the 'family' concept is substantiated.*

Keywords: dualism in law; family legal relationship; legally protected interest; interest as a criterion; balance of private and public interests; family law terminology; 'family' concept

presents evidence of the independence of family law as an individual element of the Russian legal system; the need for a legal definition of the 'family' concept is substantiated.

Keywords: dualism in law; family legal relationship; legally protected interest; interest as a criterion; balance of private and public interests; family law terminology; 'family' concept

Information in Russian

Публично-правовая и частноправовая природа семейного правоотношения

Д. А. Кокова
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова
Чегемский нотариальный округ Кабардино-Балкарской Республики
E-mail: d.kokowa@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.04.2025

Введение: *дуализм в праве, обусловленный дифференциацией сфер частного и публичного права, получил обстоятельное теоретическое осмысление, однако не был рассмотрен ранее в фокусе семейных правоотношений. В рамках настоящего исследования предпринята попытка комплексного изучения научных теорий, объясняющих механизм разделения права на частное и публичное (теории предмета правового регулирования и теории метода правового регулирования), а также их взаимосвязи с материальными и формальными критериями деления права на частное и публичное. Особое внимание уделено выяснению публично-правовой и частноправовой природы семейного правоотношения в контексте дискуссии о самостоятельности семейного права как отрасли права. Предлагается вопрос о принадлежности семейного права к частному или публичному трансформировать в решение проблемы баланса в соотношении частных и публичных интересов.* ***Цель:*** *формирование научного представления о семейном правоотношении через призму теории дуализма права, а также теории интереса, выполняющего критериальное значение в рамках предлагаемого концепта.* ***Методы:*** *онтологической составляющей настоящего научного изыскания выступил традиционный нормативизм, предопределивший алгоритм познания объекта изучения. При подготовке исследования автор исходил из представления о всеобщей связи явлений и процессов, обстоятельно аргументированной в рамках материалистической диалектики. Широко применялись общенаучные методы, включая индукцию, дедукцию, аналогию, абстрагирование, сравнение и др. Акцентируя внимание на значении частноправовых методов, использованных в ходе исследования, необходимо отметить следующее: благодаря догматическому правовому методу была воссоздана действительная картина публично-правового и частноправового регулирования семейных отношений; в процессе толкования правовых норм семейного и иного отраслевого законодательства был уяснен смысл правовых предписаний, что позволило аргументировать сформулированные в работе выводы; в результате опоры на историко-правовой метод автору удалось проследить эволюцию научных представлений о дуализме в праве, о самостоятельности семейного права как отрасли права и т. п. Кроме того, большое значение для настоящего изыскания имел межотраслевой метод, позволивший учесть межотраслевые отношения семейного права и взаимосвязанных с ним отраслей права.* ***Результаты:*** *доказано, что выяснение публично-правовой или частноправовой направленности охраняемого интереса позволяет определить и соответствующую этому интересу правовую природу семейных правоотношений.* ***Выводы:*** *выяснено эвристическое и методологическое значение деления права на частное и публичное для современной семейно-правовой доктрины; доказана принципиальная невозможность однозначной констатации публично-правовой или частноправовой природы семейного правоотношения; на конкретных примерах показано критериальное значение интереса при определении частноправового или публично-правового воздействия на общественные отношения; в системном виде приведены доказательства самостоятельности семейного права как отдельного элемента российской правовой системы; аргументирована действительная потребность в легальной дефиниции понятия «семья».*

Ключевые слова: дуализм в праве; семейное правоотношение; охраняемый законом интерес; критериальное значение интереса; баланс частных и публичных интересов; легальный семейно-правовой терминологический аппарат; понятие «семья»

О дуализме в праве

Изучение дуализма в праве стало своеобразной цивилистической традицией: без обращения к делению права на частное и публичное не обходится ни одно фундаментальное частноправовое исследование. Согласимся с О. А. Кузнецовой в том, что «принцип сочетания (баланса) частных и публичных интересов является общеправовым и рассматриваемая проблема баланса данных явлений не может рассматриваться исключительно как цивилистическая» [21, с. 88]. К сожалению, в научно-исследовательский фокус так и не попали вопросы, связанные с влиянием этой дихотомии на семейные правоотношения. Исключением из этого следует признать разработки О. Ю. Ильиной, специально посвященные сочетанию частных и публичных начал в семейном праве [14, с. 80–108].

Интерес к дуализму в праве проявляли еще дореволюционные ученые-юристы. Так, И. А. Покровский считал, что дуализм в праве «составляет базис научной и практической классификации правовых явлений» [29, с. 37]. Г. Ф. Шершеневич, признавая общепринятым деление права на частное и публичное, задавался вопросом о том, «где находится межевая черта между гражданским и публичным правом» [41, с. 9]. «Слабым местом» теории деления права на частное и публичное всегда был критерий такого деления. Подавляющее большинство правоведов являются сторонниками теории интереса, выполняющей критериальное функциональное назначение применительно к исследуемой дихотомии. Современная наука исходит из выделения, главным образом, двух теорий, объясняющих механизм разделения права на частное и публичное: теории предмета правового регулирования и теории метода правового регулирования. Эти теории тесно связаны с материальными и формальными критериями деления права на частное и публичное.

Сторонники материальных теорий исходят из необходимости выяснения круга общественных отношений, регулируемых правом. В научной литературе предложена дифференциация представителей этих теорий на две группы.

К первой группе относятся приверженцы научного концепта римского юриста Ульпиана, впервые предпринявшего попытку осмысления деления права на частное и публичное. Г. Ф. Шершеневич, будучи сторонником теории предмета правового регулирования, при делении права на частное и публичное предлагал руководствоваться как кругом общественных отношений, подпадающих под правовое регулирование, так и формой защиты нарушенного права [41]. Вслед за ним В. Ф. Попондопуло добавил, что критериальное значение имеет характер интереса: у частных лиц наличествует частный интерес, а представители публичной власти реализуют общий интерес [30, с. 24]. По поводу разграничения этих интересов Н. М. Коркунов привел интересные замечания, принадлежащие авторству древнеримских ученых-юристов. Так, в делении интересов на частные и публичные они усматривали сложную аргументацию, с одной стороны, отрицая существование публичных интересов как таковых и констатацию охраны правом только частных интересов, а с другой стороны – придавая особое значение общим интересам, реализация которых предполагается через призму частных [17, с. 165–183]. Определяя соотношение правовых и нравственных регуляторов общественной жизни, В. Соловьев сделал весьма интересные замечания, имеющие большое значение для теории деления права на частное и публичное. Так, он подчеркнул, что право устремлено к общей пользе, но ее обеспечение имеет смысл только в том случае, когда интересы всех членов общества гармонично сочетаются между собой, что сложно достижимо [34, с. 6].

Ко второй группе относятся представители материальной теории, по мнению которых критерием деления права на частное и публичное следует признать имущественный или личный (неимущественный) характер отношений, регулируемых правом. В основу обозначенного концепта заложена идея о том, что предметом регулирования частного права выступают имущественные отношения, а предметом регулирования публичного – личные (неимущественные) отношения.

В отличие от теорий предмета правового регулирования, теории метода правового регулирования в науке именуют «формальными». В основе «формальных» теорий лежит базовая идея о том, что в публичном праве инициатива охраны исходит от публичной власти, а в частном – от участников частных правоотношений. Теории метода правового регулирования представлены, главным образом, следующими тремя теориями: теорией инициативы защиты, теорией различия положения субъектов в правоотношении, теорией разделения права на частное и публичное в зависимости от характера правовых норм. Каждая их этих теорий имеет своих сторонников и противников, а также характеризуется «сильными» и «слабыми» сторонами. Согласно теории инициативы защиты, публичное право защищается по инициативе государственной власти, а частное право – по инициативе частного лица. Однако недостаток этой теории заключается в том, что она не отвечает на вопрос, почему те или иные отношения защищаются по-разному. Теория различия положения субъектов в правоотношении базируется на следующей дифференциации: публичные отношения – это отношения, в которых наличествует субъект, наделенный властными полномочиями, а частные отношения – это связь равноправных участников. Согласно теории разделения права на частное и публичное в зависимости от характера правовых норм, диспозитивные нормы частного права предоставляют участникам соответствующих отношений свободу в выборе варианта поведения, а нормы публичного права оставляют значительно меньше места для свободы волеизъявления.

About Dualism in Law

Researching dualism in law has become a kind of civil law tradition: not a single fundamental private law study can do without referring to the division of law into private and public. We cannot but agree with O. A. Kuznetsova that ‘the principle of combination (balance) of private and public interests is a general principle of law and the studied problem of balancing these phenomena cannot be regarded exclusively as a civil-law problem’ [21, p. 88]. Meanwhile, the influence of this dichotomy on family legal relations remains beyond research focus. The only exception can be found in O. Yu. Ilyina’s considerations specifically devoted to the combination of private and public principles in family law [14, pp. 80-108].

The interest in dualism in law was demonstrated by legal scholars as far back as the pre-revolutionary period. For example, I. A. Pokrovsky believed that dualism in law ‘constitutes the basis of scientific and practical classification of legal phenomena’ [29, p. 37]. While recognizing the generally accepted division of law into private and public, G. F. Shershenevich wondered ‘where the boundary line between civil and public law is’ [41, p. 9]. What has always been a ‘weak point’ in the theory of division of law into private and public is the criterion for this division. The vast majority of legal scholars support the theory of interest as performing the function of a criterion with regard to the dichotomy under study. Modern science provides two main theories explaining the mechanism of dividing law into private and public: the theory of the subject of legal regulation and the theory of the method of legal regulation. These theories are closely related to the material and formal criteria for dividing law into private and public.

Proponents of material theories deem it necessary to clarify the range of social relations regulated by law. The scientific literature suggests differentiating the representatives of these theories into two groups.

One group includes adherents to the scientific concept proposed by Roman jurist Ulpian, who was the first to make an attempt to conceptualize the division of law into private and public. When solving the issue of dividing law into public and private, G. F. Shershenevich, being a proponent of the theory of the subject of legal regulation, considered it necessary to be guided by both the range of social relations falling under legal regulation and the form of protection of violated rights [41]. Extending this viewpoint, V. F. Popondopulo added that of crucial significance is the nature of the interest: individual persons have a private interest, while representatives of public authorities implement a common interest [30, p. 24]. Regarding the differentiation of these interests, N. M. Korkunov cited interesting observations made by ancient Roman legal scholars. They saw a complex substantiation in dividing the interests into private and public, while, on the one hand, denying the existence of public interests as such and stating that only private interests are protected by law, and on the other hand, attaching special importance to common interests that were assumed to be implemented through private ones [17, p. 165-183]. When determining the relationship between legal and moral regulators of public life, V. Solovyov made very interesting remarks that are of great importance for the theory of dividing law into private and public. He emphasized that law is aimed at the common benefit, but the provision of this benefit makes sense only if the interests of all members of society are harmonized, which is difficult to achieve [34, p. 6].

The other group includes the representatives of the material theory, who believe that the criterion for dividing law into private and public should be seen in the property nature or personal (non-property) nature of relations regulated by law. This concept is based on the idea that property relations are the subject of private law regulation, while personal (non–property) relations are the subject of public law regulation.

Unlike the theories of the legal regulation subject, the theories of the legal regulation method are called ‘formal’ in science. ‘Formal’ theories rest on the basic idea that in public law, the initiative for protection comes from public authorities, while in private law, this initiative comes from the participants in private legal relations. The theories of the legal regulation method are mainly represented by the following three theories: the theory of the initiative for protection, the theory of the difference in the position of the participants in a legal relationship, the theory of the division of law into private and public depending on the nature of legal norms. Each of these theories has its own supporters and opponents and is characterized by its own ‘strengths’ and ‘weaknesses’. According to the theory of the initiative for protection, public law is protected on the initiative of state authority, while private law is protected on the initiative of a private individual. The disadvantage of this theory is that it does not answer the question of why certain relationships are protected in different ways. The theory of the difference in the position of the participants in a legal relationship is based on the following differentiation: public relations are relations in which there is a subject endowed with authority, while private relations refer to relationship between equal participants. According to the theory of dividing law into private and public depending on the nature of legal norms, dispositive norms of private law provide participants in the relevant relations with freedom to choose a course of behavior, while public-law norms provide a more limited freedom of expression.

Частноправовые и публично-правовые элементы в семейном праве

Подчеркнем, что современное правовое регулирование семейных отношений отличается объективно обусловленным сочетанием частноправовых и публично-правовых элементов. Публично-правовая и частноправовая природа семейного правоотношения нередко исследуется в контексте дискуссии о самостоятельности семейного права как отрасли права, имеющей дореволюционные истоки. Так, по версии Г. Ф. Шершеневича, семейное право следовало считать частью гражданского [41, с. 13], а по версии Д. И. Мейера – семейное право надлежало признавать самостоятельной отраслью права ввиду особого личного качества семейных правоотношений [24, с. 33–34]. В современной семейно-правовой доктрине большинство ученых поддерживают именно этот взгляд [44; 46; 48; 61; 74].

О. А. Серова достаточно верно подметила: «Чтобы провести разделительную линию между частным и публичным, рамки отраслевого подхода представляются недостаточными. Требуется новое видение взаимодействия социально-экономических и политических процессов и межотраслевой модели правового регулирования общественных отношений» [33, с. 279]. Действительно, оптимальное соотношение публичных и частных начал должно определятся прежде всего конкретно-историческими рамками, что в полной мере характерно и для семейного права [45; 52; 69; 71].

А. Н. Левушкин справедливо обратил внимание на устойчивую тенденцию олицетворения императивного метода правового регулирования с публичным правом, а диспозитивного – с частным правом [23]. Применительно к семейному праву И. Ф. Александров отметил императивность большинства норм семейного законодательства, которую он связывает с преимущественно публично-правовым регулированием семейных отношений [1, с. 165]. Солидарен с ним и В. А. Егупов, признающий важность частноправового сегмента семейно-правового регулирования при одновременном признании примата публично-правовых начал в нем [11]. Аналогичной точки зрения придерживается и Г. В. Богданова, заключившая о публичном характере семейного права как отрасли права [5, с. 8].

Интересную позицию в этом вопросе занимает О. Ю. Дерюшева, отмечающая следующее: «Индивидуально-правовое (договорное, частное) регулирование не является доминирующим фактором (инструментарием) в рамках семейного права и занимает относительно небольшую долю в семейно-правовом регулировании, в то же время публично-правовое регулирование в семейной сфере не господствует над частноправовым (договорным) регулированием, дозволительными способами (средствами, приемами) метода семейно-правового регулирования» [8, с. 67]. По мнению А. А. Исаенкова, в семейном праве приоритетен частный интерес и с его позиции следует рассматривать межотраслевые институты [15, с. 27]. Аналогичный взгляд на природу семейных отношений выражен и в зарубежной исследовательской литературе по семейному праву [63; 67]. Б. А. Джандарбек склоняется к точке зрения о том, что «нормы семейного права сейчас в большей степени выступают регулятором частноправовых отношений» [9, с. 30].

В семейно-правовой доктрине наряду с признанием за семейным правом публично-правовой или частноправовой природы существует концепция квалификации этой отрасли права в качестве комплексной. Обозначенная концепция снимает многие затруднения и является вполне удачной. Идея существования комплексных отраслей права подверглась обстоятельной научной разработке в трудах Ю. К. Толстого, считавшего, что таким отраслям права не свойственно предметное единство, а также наличие специфического метода правового регулирования [36, с. 45].

Таким образом, установление публично-правовой или частноправовой природы семейного правоотношения можно производить по различным критериям, в том числе формальным и материальным, однако системообразующее значение имеет только такой материальный признак, как интерес. Выяснение публично-правовой или частноправовой направленности охраняемого интереса позволяет определить и соответствующую этому интересу правовую природу семейных правоотношений.

Анализ большинства норм семейного права наглядно демонстрирует гармоничное сочетание в них частного и публичного интересов, диспозитивных и императивных способов воздействия. К примеру, вступление в брак, а также его расторжение сопровождаются определенным процедурным оформлением, в котором участвуют органы записи актов гражданского состояния. Однако признать правоотношения по вступлению в брак, равно как и по его расторжению, исключительно публично-правовыми не представляется возможным, поскольку оба из названных актов гражданского состояния являются проявлением индивидуальной, свободно выраженной воли участников семейных правоотношений.

На наш взгляд, вопрос о принадлежности семейного права к частному или публичному следует трансформировать в решение проблемы баланса в соотношении частных и публичных интересов. Это предопределяет необходимость выяснения категории интереса в разграничении частного и публичного права. Такой методологический подход к выяснению публично-правовой и частноправовой природы семейного правоотношения детерминирован тем, что публичный и частный интерес являются основой соответственно публично-правового и частноправового регулирования в той или иной области семейных отношений. Следует согласиться с О. Ю. Ильиной в том, что семейному праву свойственно уникальное

Private-Law and Public-Law Elements in Family Law

It should be emphasized that modern legal regulation of family relations is characterized by an objectively determined combination of private-law and public-law elements. The public-law and private-law nature of family legal relations is often explored within the context of discussion on the independence of family law as a branch of law, which has its roots in the pre-revolutionary period. According to G. F. Shershenevich, family law should be considered a part of civil law [41, p. 13], while in the opinion of D. I. Meyer, family law should be recognized as an independent branch of law due to the special personal nature of family legal relations [24, p. 33-34]. The latter point of view is supported by most scholars in the modern family law doctrine [44; 46; 48; 61; 74].

O. A. Serova was quite right to note the following: 'The framework of the branch-specific approach seems insufficient for drawing a dividing line between the private and the public. A new vision of the interaction of socio-economic and political processes with the inter-branch model of legal regulation of social relations is required' [33, p. 279]. It is true that the optimal combination of public and private fundamentals should be primarily determined by a specific historical framework, which is fully applicable to family law [45; 52; 69; 71].

A. N. Levushkin was right to draw attention to the steady trend of associating the imperative method of legal regulation with public law, and the dispositive method – with private law [23]. With regard to family law, I. F. Alexandrov noted the imperative nature of most norms of family legislation, which he explains by the predominantly public-law regulation of family relations [1, p. 165]. V. A. Egupov agrees with him and recognizes the importance of the private-law segment of family law regulation with the simultaneous recognition of the primacy of public-law principles in it [11]. A similar point of view is shared by G. V. Bogdanova, who made a conclusion about the public nature of family law as one of the branches of law [5, p. 8].

O. Yu. Deryusheva holds an interesting position on this issue by noting the following: 'Individual legal (contractual, private) regulation is not the dominant factor (tool) in family law and occupies a relatively small share in the family law regulation; at the same time, public law regulation in the family sphere does not prevail over private (contractual) regulation and over the permissible types (means, techniques) of the family law regulation method' [8, p. 67]. According to A. A. Isaenkov, private interest takes precedence in family law, and inter-branch institutions should be viewed from the perspective of this interest [15, p. 27]. A similar view on the nature of family relations is expressed in foreign research literature on family law [63; 67]. B. A. Dzhandarbek's opinion is that 'currently, the norms of family law prevalently play the role of the regulator of private relations' [9, p. 30].

In the family law doctrine, along with the recognition of the public-law or private-law nature of family law, there is a concept of qualifying this branch of law as a complex one. This concept 'removes' many difficulties and appears to be quite appropriate. The idea of the existence of complex branches of law was extensively investigated in the works of Yu. K. Tolstoy, who believed that a single subject and a specific method of legal regulation are uncharacteristic of such branches of law [36, p. 45].

Thus, the public-law or private-law nature of a family legal relationship can be established based on various criteria, including formal and material; however, only such a material criterion as interest is of fundamental importance. Clarifying the public-law or private-law focus of the protected interest makes it possible to determine the legal nature of family legal relations corresponding to this interest.

An analysis of most norms of family law clearly demonstrates a harmonious combination therein of private and public interests, of dispositive and imperative methods of influence. For example, marriage and the dissolution of marriage involve certain documenting procedures with the participation of civil registry bodies. However, it is not possible to recognize legal relations on marriage and on its dissolution as exclusively public-law relations, since both of these acts of civil state are a manifestation of individual and freely expressed will of the participants in family legal relations.

In our opinion, the question of referring family law to private or public law should be transformed into resolving the issue of the balance of private and public interests. This makes it necessary to clarify the role of interest in the distinction between private and public law. Such a methodological approach to clarifying the public-law and private-law nature of family relations is conditioned by the fact that public and private interests are the basis for, respectively, public and private legal regulation in a particular area of family relations. One should agree with O. Yu. Ilyina that family law is characterized by a unique

сочетание частных и публичных интересов, что отличает данную отрасль права от всех иных [14, с. 104]. По этому поводу А. Н. Левушкин пишет следующее: «некоторые направления модернизации правового регулирования семейно-правовых институтов обусловлены публичной деятельностью государства и иных публично-правовых образований, их ролью в области частного и публичного права» [22, с. 39]. При этом семья как социальный институт подвергается сдерживающе-стимулирующему воздействию: при помощи публично-правовых средств законодатель, с одной стороны, задает определённые рамки семейных правоотношений (например, провозглашая браком союз мужчины и женщины), а с другой – стимулирует участников семейных правоотношений к тому или иному поведению (например, предоставляя социальные гарантии семьям, имеющим детей).

Акцентируя внимание на термине «порядок», который используется в статье 2 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), А. Ю. Косяков делает вывод о наличии публичных начал в семейном праве, которые выполняют преимущественно организующее функциональное предназначение [20, с. 18]. В данном случае имеется в виду организационно-процедурный сегмент семейных правоотношений, отличающихся административной природой. К примеру, речь идет о деятельности органов записи актов гражданского состояния по выполнению возложенных на них полномочий в части регистрации заключения и расторжения брака, а также иных актов гражданского состояния. Представляется, что несмотря на то что обозначенная деятельность носит публичный характер, она осуществляется в целях охраны как частного интереса участников семейных правоотношений, так и публичного интереса государства.

Об интересах, охраняемых семейным правом

На наш взгляд, выяснение публично-правовой и частноправовой природы семейного правоотношения необходимо производить через призму установления соответствующих интересов, охраняемых семейным правом. Ю. Г. Долгов предложил рассматривать охраняемый законом интерес в качестве способа удовлетворения потребностей участников семейных правоотношений [10, с. 11]. При этом в интерпретации обозначенного исследователя частноправовые начала в сравнении с публично-правовыми являются преобладающими в семейном праве. Противоположной точки зрения придерживается В. В. Ганага – по мнению исследователя, цивилистическая традиция квалификации семейного права отраслью частного права, в которой преобладает диспозитивное правовое воздействие, является ошибочной [7].

Как показывает анализ научной литературы, чаще всего публичный интерес в семейном праве связывают с реализацией функций, возложенных на семью и значимых для государства. В. В. Ганага, описывая механизм реализации государством социальной функции в семейном праве, размышляет о так называемых императивах социальной безопасности [7, с. 81]. Например, таковыми являются требования, предъявляемые к лицам, вступающим в брак, в части достижения ими определенного возраста (ст. 13 СК РФ). Конституционный Суд РФ обосновал причину, по которой брачный возраст в Российской Федерации установлен именно в восемнадцать лет, следующим образом: презюмируется достижение биологической и психологической зрелости[1]. Примечательно, что право органов местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, по их просьбе и при наличии уважительных причин разрешать вступление в брак лицам, достигшим возраста шестнадцати лет (п. 1 и 2), а также право субъектов Российской Федерации своими законами определять порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста шестнадцати лет, истолковано Конституционным Судом РФ через призму интересов – «исходя из конституционно значимых интересов охраны семьи и ребенка». Добавим, что проблематика учета «наилучших интересов детей» широко изучается и в зарубежной исследовательской литературе [47; 53; 64; 76; 82].

К императивам социальной безопасности следует отнести все обстоятельства, препятствующие заключению брака, поскольку их наличие с неизбежностью ставит под сомнение нормальное функционирование семьи. Следовательно, вступление в брак при наличии обстоятельств, препятствующих заключению брака, затрагивает публичный интерес. В Обзоре судебной практики по делам о признании брака недействительным, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ от 14 декабря 2022 г., отмечается, что «если брак заключен с нарушением требований статьи 14 СК РФ, то есть вопреки указанным в ней препятствиям, право обратиться с требованием о признании такого брака недействительным предоставлено наследникам, считающим, что их права заключением этого брака нарушены»[2]. Таким образом, несмотря на публично-правовую сущность норм, регулирующих условия и порядок заключения и расторжения брака, они предназначены для охраны частного интереса участников семейных и в некоторых случаях наследственных правоотношений. Добавим, что

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 21 окт. 2008 г. № 568-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 дек. 2022 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3 (март).

combination of private and public interests, which distinguishes this branch of law from all the others [14, p. 104]. In this regard, A. N. Levushkin writes that 'some areas of modernization of the legal regulation of family law institutions are conditioned by the public activities of the state and other public legal entities, and by their role in the field of private and public law' [22, p. 39]. At the same time, the family as a social institution is influenced in both a deterrent and a stimulating manner: with the help of public-law means, the legislator, on the one hand, sets certain boundaries for family legal relations (for example, proclaiming marriage as a union of a man and a woman) and, on the other hand, stimulates participants in family legal relations to behave in a certain way (for example, by providing social guarantees to families with children).

Focusing on the term 'procedure', used in Article 2 of the Family Code of the Russian Federation, A. Yu. Kosyakov concludes that there are public principles in family law that serve primarily for the organizational functional purpose [20, p. 18]. What is meant here is the organizational-procedural segment of family legal relations that differ in administrative nature. For example, this refers to the activities of civil registry bodies within their authorities on registering marriages and divorces, as well as other acts of civil state. Seemingly, despite the fact that these activities are of a public nature, they are carried out in order to protect both the private interest of the participants in family legal relations and the public interest of the state.

On the Interests Protected by Family Law

In our opinion, the public-law and private-law nature of a family legal relationship should be clarified through establishing relevant interests protected by family law. Yu. G. Dolgov suggested considering a legally protected interest as a way of satisfying the needs of participants in family legal relations [10, p. 11]. According to the interpretation proposed by this researcher, private-law principles are predominant in family law as compared to public-law ones. V. V. Ganaga holds the opposite point of view: she believes that the civil tradition of classifying family law as a branch of private law, where prevails dispositive legal impact, is erroneous [7].

An analysis of the scientific literature shows that public interest in family law is most often associated with the implementation of functions assigned to the family and significant to the state. While describing the mechanism of the state's implementation of social functions in family law, V. V. Ganaga reflects on the so-called social security imperatives [7, p. 81]. For example, these are the requirements of reaching a certain age imposed on persons entering into marriage (Article 13 of the Family Code of the Russian Federation, hereinafter also referred to as the RF Family Code). The Constitutional Court of the Russian Federation has explained why the marriageable age is established as eighteen years in the Russian Federation as follows: the reaching of biological and psychological maturity is presumed[1]. It is noteworthy that the following rights are interpreted by the Constitutional Court of the Russian Federation in the light of interests – 'judging from the constitutionally meaningful interests of protection of the family and the child': the right of local self-government bodies at the place of residence of persons wishing to enter into marriage to permit entering into marriage to persons who have reached the age of sixteen, at their request and in the presence of valid reasons (Items 1 and 2), as well as the right of the constituent entities of the Russian Federation to determine by their laws the procedure and conditions in the presence of which, by way of exception, given specific circumstances, marriage can be entered into before reaching the age of sixteen. It should be added that the problems of respecting 'the best interests of the child' are widely studied in foreign research literature [47; 53; 64; 76; 82].

The social security imperatives include all circumstances that prevent from entering into marriage, since their presence inevitably puts the normal functioning of the family into question. Consequently, entering into marriage in the presence of circumstances preventing from marrying affects public interest. The *Review of Judicial Practice in Cases of the Annulment of Marriage,* approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 14, 2022, states that 'if a marriage is effected in violation of the requirements of Article 14 of the Family Code of the Russian Federation, that is, contrary to the obstacles indicated therein, the right to claim for the annulment of this marriage is granted to heirs who believe that their rights have been violated by effecting this marriage'[2]. Thus, despite the public nature of the rules governing the conditions and procedure for the conclusion and dissolution of marriages, they are intended to protect the private interests of participants in family relations and, in some cases, in hereditary legal relations. We must add

[1] On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of the Citizen Ivan Vasil'evich Pavlov about the Violation of His Constitutional Rights by Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 568-O-O of October 21, 2008. The document has not been published. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

[2] Review of Judicial Practice in Cases of the Annulment of Marriage: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 14, 2022. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2023. No. 3 (March).

государственная регистрация заключения брака, равно как и государственная регистрация расторжения брака, основана на добровольном волеизъявлении участников семейных правоотношений, руководствующихся при принятии решений частным интересом.

По мнению О. Ю. Ильиной, сочетание частноправовых и публично-правовых начал в рамках семейного законодательства находит воплощение в нормах, определяющих порядок установления отцовства, изменения фамилии и имени, а также в нормах, устанавливающих нотариальное удостоверение сделок, совершаемых участниками семейных правоотношений [14, с. 107]. А. М. Рабец обратила внимание на то, что для семейного права характерно сочетание частного и публичного интересов. Так, она пишет следующее: «...среди частных интересов приоритетным является обеспечение безопасности ребенка, т. е. реализация в ходе устройства детей, оставшихся без попечения родителей, права на защиту от злоупотреблений со стороны лиц, заменяющих родителей, что гарантировано статьей 56 СК РФ. Публичный интерес в данных отношениях выражается в существующей потребности общества и государства в здоровых, образованных детях, получающих семейное воспитание и находящихся под защитой семьи» [32, с. 102].

Об интересах слабых участников семейного правоотношения

Представляется, что в семейном праве найдется немало конкретных примеров, наглядно демонстрирующих сочетание частных и публичных интересов. К примеру, в контексте представленных рассуждений заслуживает внимания проблема слабых участников семейного правоотношения. В научной литературе справедливо подчеркивается следующее: «публичный интерес в семейном праве удовлетворяется возвышением частного интереса слабой стороны семейного правоотношения» [7, с. 77]. В зарубежной цивилистике также обращается внимание на обозначенную проблематику [49; 58; 66; 79]. Так, в одном из исследований отмечается, что государство играет жизненно важную роль в защите уязвимых участников семейных правоотношений [43]. Зарубежные исследователи частного права нередко исходят из концепции государственного признания как способности прослеживать связи и определять нормативные рамки, что позволяет сохранять фильтрующую роль государства [81].

Права С. О. Карибян, которая прямо пишет следующее: «несмотря на частно-публичное правовое регулирование отношений, вытекающих из брака и принадлежности к семье, полагаем, что вмешиваться в “тонкую материю” семейных отношений государство может только в особых случаях, при защите “слабой” стороны» [16, с. 17]. Так, семейное законодательство исходит из равенства мужчины и женщины, что, как отмечает М. В. Ульянова, «позволяло бы говорить об отсутствии слабой стороны в супружеских или родительских отношениях» [38, с. 23], однако присутствие в семейных правоотношениях слабой стороны обусловлено фактическим неравенством участников этих отношений. Действительно, например, слабыми участниками семейных правоотношениях являются прежде всего несовершеннолетние дети. Именно поэтому российское семейное законодательство исходит из принципа обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи (п. 3 ст. 1 СК РФ). На необходимость соблюдения баланса между интересами несовершеннолетних детей и их родителей в свое время обратил внимание ЕСПЧ, подчеркнув, что «в процессе соотнесения этих интересов приоритетом являются интересы ребенка, которые в зависимости от их характера и значения могут перевешивать интересы родителей»[1].

Л. Ю. Михеева подчеркивает, что «...для всех, кто хотел бы развивать науку семейного права и семейное законодательство, интересы “слабой” стороны семейного правоотношения должны оставаться главенствующими» [26]. Подчеркнем, что недавние изменения семейного законодательства коснулись и слабой стороны. Так, в результате принятия Федерального закона от 31.07.2023 № 403-ФЗ «О внесении изменений в статьи 89 и 90 Семейного кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 403-ФЗ)[2] законодатель уточнил перечень лиц, имеющих право на получение алиментов[3]. В доктрине семейного права таких лиц относят к категории слабых сторон семейных правоотношений. В пояснительной записке к соответствующему проекту

[1] Постановление ЕСПЧ от 20 янв. 2011 г. «Дело “Рытченко (Rytchenko) против Российской Федерации (жалоба № 22266/04)”» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 2.

[2] О внесении изменений в статьи 89 и 90 Семейного кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2023 г. № 403-ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru.

[3] Так, в их числе названы следующие участники семейных правоотношений: нетрудоспособный нуждающийся супруг; жена в период беременности; супруг, фактически осуществляющий уход за общим ребенком в течение трех лет со дня его рождения; нуждающийся супруг, фактически осуществляющий уход за общим ребенком-инвалидом до достижения ребенком возраста восемнадцати лет или за общим ребенком – инвалидом с детства I группы, а также: бывшая жена в период беременности, наступившей в период брака; бывший супруг, фактически осуществляющий уход за общим ребенком в течение трех лет со дня его рождения; нуждающийся бывший супруг, фактически осуществляющий уход за общим ребенком-инвалидом до достижения ребенком возраста восемнадцати лет или за общим ребенком – инвалидом с детства I группы; нетрудоспособный нуждающийся бывший супруг, ставший нетрудоспособным до расторжения брака или в течение года с момента расторжения брака; нуждающийся бывший супруг, достигший пенсионного возраста не позднее чем через пять лет с момента расторжения брака, если супруги состояли в браке длительное время.

that state registration of marriage, as well as state registration of divorce, is based on voluntary expression of the will of the participants in family legal relations who are guided by private interest in their decision-making.

According to O.Y. Ilyina, in family legislation the combination of private and public law principles is found in the norms defining the procedure for establishing paternity, changing the surname and the first name, as well as in the norms prescribing the notarization of deals made by participants in family legal relations [14, p. 107]. A. M. Rabets drew attention to the fact that family law is characterized by a combination of private and public interests. In particular, she writes the following: ‘... among private interests, the priority is given to ensuring the safety of the child, i.e., to implementing the right to protection from abuse by persons replacing parents during the placement of children left without parental care, as is guaranteed by Article 56 of the Family Code of the Russian Federation. The public interest in these relations is expressed in the existing need of society and the state for healthy, educated children who are brought up in a family and are protected by the family’ [32, p. 102].

On the Interests of the Weaker Parties in a Family Legal Relationship

Seemingly, there are many specific examples in family law that clearly demonstrate the combination of private and public interests. In the context of the presented arguments, consideration should be given to the problem of the weaker parties to family legal relations. The following is reasonably emphasized in the scientific literature: ‘the public interest in family law is implemented by attaching the priority to the private interest of the weaker party to the family legal relationship’ [7, p. 77]. The attention of foreign civil science is also focused on these issues [49; 58; 66; 79]. For example, one of the studies notes that the state plays a vital role in protecting vulnerable participants in family legal relations [43]. Foreign researchers of private law often rely on the concept of state recognition as the ability to trace connections and define regulatory frameworks, which allows maintaining the filtering role of the state [81].

S. O. Karibyan is right saying the following: ‘despite the private-public legal regulation of relations arising from marriage and family membership, we believe that the state can interfere in the ‘sensitive matter’ of family relations only in special cases – when protecting the ‘weaker’ party’ [16, p. 17]. For example, family legislation takes as a premise the idea of equality of men and women, which, as M. V. Ulyanova notes, ‘would make it possible to speak about the absence of a weaker party in marital or parental relations’ [38, p. 23]; however, the presence of a weaker party in family legal relations is conditioned by the actual inequality of the participants in these relations. First of all, weaker participants in family legal relations include minors. That is why Russian family legislation is based on the principle of ensuring priority protection of the rights and interests of minors and disabled family members (Item 3 of Article 1 of the RF Family Code). At the time, the ECHR drew attention to the need to maintain a balance between the interests of minors and their parents, emphasizing that ‘in the process of striking a fair balance between the interest of the child and those of the parents, particular importance should be attached to the best interests of the child, which, depending on their nature and seriousness, may override those of the parents’[1].

L. Yu. Mikheeva emphasizes that ‘...the interests of the ‘weaker’ party in a family legal relationship should remain paramount for everyone who would like to develop the science of family law and family legislation’ [26]. Let us add that recent changes in family legislation have also affected the weaker party. In particular, with the adoption of Federal Law No. 403-FZ of July 31, 2023 ‘On the Introduction of Amendments to Articles 89 and 90 of the Family Code of the Russian Federation’ (hereinafter also referred to as Law No. 403-FZ)[2], the legislator clarified the list of persons entitled to receive alimony[3]. In the family law doctrine, such persons are classified as weaker parties in family legal relations. The explanatory note to the relevant draft

[1] Judgment of the European Court of Human Rights of January 20, 2011 in the case of Rytchenko v. Russia (complaint No. 22266/04). *Bulletin of the European Court of Human Rights*. 2012. No. 2.

[2] On the Introduction of Amendments to Articles 89 and 90 of the Family Code of the Russian Federation: Federal Law No. 403-FZ of July 31, 2023. Available at: http://pravo.gov.ru.

[3] The following participants in family legal relations are named among them: a needy disabled spouse; the wife in the period of pregnancy; a spouse looking after the common child in the course of three years after his birth; a needy spouse looking after the common invalid child until the child reaches the age of eighteen, or looking after the common child being the 1st group invalid from childhood; as well as: the ex-wife in the period of pregnancy that occurred during marriage; the ex-spouse who actually takes care of a common child in the course of three years after his birth; a needy ex-spouse looking after the common invalid child until the child reaches the age of eighteen, or looking after the common child being the 1st group invalid from childhood; a disabled needy ex-spouse who has become disabled before the dissolution of the marriage or in the course of one year from the moment of the dissolution of the marriage; a needy ex-spouse who has reached pensionable age no later than five years since the dissolution of the marriage, if the spouses were married for a long time.

отмечалось, что он разработан «в целях обеспечения условий жизни, необходимых для развития, воспитания и образования несовершеннолетних детей, а также направлен на предоставление содержания иным членам семьи, нуждающимся в материальной поддержке»[1]. Принятие Закона № 403-ФЗ было во многом обусловлено наметившейся в правоприменительной практике тенденцией определения места жительства ребенка с отцом[2].

Подчеркнем, что фокус на охране интересов слабых участниках семейного правоотношения не ограничивается статьями 89–90 СК РФ. Так, Р. С. Бевзенко подчеркнул, что законный режим имущества супругов «приспособлен для защиты слабой стороны в супружеских имущественных отношениях» [3]. Несмотря на указанное значение законного режима имущества супругов, некоторые ученые-юристы ставят под сомнение целесообразность его сохранения. В научной литературе нередко обращается внимание на превентивный характер нормы пункта 3 статьи 44 СК РФ, охраняющей интересы слабой стороны брачного договора. В данном случае имеется в виду запрет, предъявляемый к сторонам брачного договора, о включении в брачный договор «условий, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства». Неопределенность перечня таких условий стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который пришел к выводу о том, что «разнообразие обстоятельств, оказывающих влияние на имущественное положение супругов, делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе»[3]. Так, положения брачного договора, лишающие супруга права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака, были квалифицированы Верховным Судом РФ как условия, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение[4].

Ограничение договорной свободы, присущее семейному законодательству, подвергается обоснованной критике. Е. А. Чефранова, рассуждая о перспективах договорного регулирования семейных правоотношений, справедливо подчеркивает, что «если при принятии Семейного кодекса у законодателя существовали оправданные опасения относительно соблюдения прав и законных интересов граждан при применении ранее неизвестного отечественному законодательству диспозитивного регулирования имущественных отношений супругов (интенция состояла в обеспечении повышенной защиты слабой стороны правоотношения), то за истекшее время в отечественном правопорядке накоплен значительный опыт договорного регулирования таких отношений» [40, с. 48]. Поддерживая Е. А. Чефранову в ее стремлении расширить сферу договорного регулирования семейных правоотношений, отметим, что потребность в защите интересов слабой стороны семейного правоотношения не утрачивает своей актуальности. Охраняя слабых участников семейных правоотношений и стремясь к обеспечению социального баланса, законодатель в то же время создает правовые предпосылки для реализации частных интересов слабой стороны.

Системообразующее значение интереса как признака семейного правоотношения

Системообразующее значение интереса как признака семейного правоотношения может быть также показано на примере таких правовых категорий, как неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна. Обозначенные категории относятся к персональным данным, которым посвящен отдельный федеральный закон[5]. В соответствии со статьей 2 Закона о персональных данных, он принят в целях «обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну». Анализ легальной дефиниции «персональных данных»[6] позволяет заключить о достаточно широком подходе законодателя к их трактовке. Отдельного внимания в контексте настоящего исследования заслуживают «специальные категории персональных данных»[7], обработка которых, по общему правилу, не допускается. Добавим, что проблематика защиты

[1] Пояснительная записка к Проекту Федерального закона № 76938-8 «О внесении изменений в статьи 89 и 90 Семейного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24 февр. 2022 г.). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См. об этом: Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7 (июль).

[3] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Арбузовой Валентины Павловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 21 июня 2011 г. № 779-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 дек. 2016 г. № 5-КГ16-174 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] О персональных данных: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: http://pravo.gov.ru (далее – Закон о персональных данных).

[6] Так, в соответствии с п. 1 ст. 3 Закона о персональных данных «персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)».

[7] К этим данным законодатель относит: персональные данные, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни (п. 1 ст. 10 Закона о персональных данных).

law stated that it had been prepared ‘in order to ensure the living conditions necessary for the development, upbringing, and education of minors, and is also aimed at providing maintenance to other family members in need of financial support’[1]. The adoption of Law No. 403-FZ was largely conditioned by the emerging trend in law enforcement practice to determine the place of residence of a child with his father[2].

It should be emphasized that the focus on protecting the interests of the weaker parties in a family legal relationship is not limited to Articles 89-90 of the RF Family Code. R. S. Bevzenko stressed that the legal regime of the spouses’ property is ‘adapted to protect the weaker party in marital property relations’ [3]. Despite the indicated importance of the legal regime of the spouses’ property, some legal scholars question the expediency of preserving it. The scientific literature often draws attention to the preventive nature of the nor m set up in Item 3 of Article 44 of the RF Family Code, which protects the interests of the weaker party to a marriage contract. This refers to the prohibition imposed on the parties to a marriage contract to include the ‘conditions that put one of the spouses in an extremely unfavorable position or contradict the basic principles of family law’ in this contract. The non-specificity of the list of such conditions became the subject of consideration by the Constitutional Court of the Russian Federation, which concluded that ‘the variety of circumstances affecting the property status of spouses makes it impossible to establish an exhaustive list of them in the law’[3]. For example, the provisions of a marriage contract that deprive a spouse of the ownership of property acquired by spouses during the marriage were qualified by the Supreme Court of the Russian Federation as conditions that put one of the spouses in an extremely unfavorable position[4].

The restriction of contractual freedom inherent in family law is subject to reasonable criticism. Talking about the prospects of contractual regulation of family legal relations, E. A. Chefranova is right to emphasize the following: ‘at the time when the Family Code was adopted, the legislator had reasonable concerns about the observance of the rights and legitimate interests of citizens in the application of dispositive regulation of property relations between spouses, which was previously unknown to domestic legislation (the intention was to provide an increased protection for the weaker party in the legal relationship); meanwhile, the domestic legal order has accumulated considerable experience in the contractual regulation of such relations over the past time’ [40, p. 48]. Supporting E. A. Chefranova in her desire to expand the scope of contractual regulation of family legal relations, we shall note that the need to protect the interests of the weaker party in a family legal relationship remains relevant. By protecting weaker participants in family legal relations and striving to ensure social balance, the legislator creates legal prerequisites for the implementation of the private interests of the weaker party.

The Fundamental Significance of Interest as a Feature of a Family Legal Relationship

The fundamental importance of interest as a feature of a family legal relationship can also be shown by the example of such legal categories as privacy, personal and family secrets. These categories refer to personal data, which are covered by a separate federal law[5]. In accordance with Article 2 of the Law on Personal Data, it was adopted in order to ‘ensure the protection of human and civil rights and freedoms when processing personal data, including the protection of the rights to privacy, personal and family secrets’. The a nalysis of the legal definition of ‘personal data’[6] allows for a conclusion about a fairly broad approach of the legislator to their interpretation. In the context of this study, individual attention should be given to the ‘special categories of personal data’[7], the processing of which, as a general rule, is not allowed. It should be added that the issue of privacy

[1] Explanatory Note to Draft Federal Law No. 76938-8 ‘On the Introduction of Amendments to Articles 89 and 90 of the Family Code of the Russian Federation (submitted for consideration in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation as of February 24, 2022). Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

[2] See: Review of Court Practice in Settling Disputes Related to the Upbringing of Children: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 20, 2011. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2012. No. 7 (July).

[3] On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of the Citizen Valentina Pavlovna Arbuzova about the Violation of He r Constitutional Rights by Item 2 of Article 44 of the Family Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 779-O-O of June 21, 2011. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

[4] Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-KG16-174 of December 20, 2016. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

[5] On Personal Data: Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 (as of August 8, 2024). Available at: http://pravo.gov.ru (hereinafter also referred to as the Law on Personal Data).

[6] In accordance with Item 1 of Article 3 of the Law ‘On Personal Data’, ‘personal data is any information relating directly or i ndirectly to a specific or identifiable natural person (personal data subject)’.

[7] The legislator refers the following to this data: personal data concerning race, nationality, political views, religious or philosophical beliefs, health status, intimate life (Item 1 of Article 10 of the Law ‘On Personal Data’).

конфиденциальности в семейном законодательстве активно изучается и иностранными учеными-юристами, что подтверждается большим количеством научных разработок по этой теме [56; 62; 65; 77].

По справедливому замечанию О. Ю. Ильиной, в условиях повсеместной автоматизированной обработки персональных данных «наша жизнь становится настолько “прозрачной”, что никакие личные и семейные тайны фактически не обладают грифом “элементарной секретности”» [13, с. 350]. Мы солидарны с автором в этом замечании, поскольку в условиях цифровизации частная жизнь гражданина стала значительно более уязвимой, что предопределяет важность изучения отношений, возникающих в связи с использованием и обработкой персональных данных, через призму частных и публичных интересов.

Подчеркнем, что в статье 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод[1] и статье 23 Конституции РФ употребляется различная терминология, связанная с частной жизнью гражданина. Этим объясняется и дифференциация в подходах к толкованию некоторых смежных категорий («неприкосновенность частной жизни», «личная тайна», «семейная тайна»). ЕСПЧ исходит из довольно широких представлений о частной жизни в целом и семейной жизни в частности, что предопределяет открытый перечень сведений, относящихся к частной и семейной жизни соответственно. При этом в практике ЕСПЧ найдется немало судебных решений, в которых защищалось право на уважение семейной жизни лиц, не состоящих между собой в зарегистрированном браке. Иной подход к субъектному составу отношений, охраняемых понятием семейной жизни, отражен в российском законодательстве и находит воплощение в правоприменительной практике российских судов: семейная жизнь характеризует только родственников, супругов и их детей.

В соответствии с пунктом 1 статьи 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) неприкосновенность частной жизни, а также личная и семейная тайна относятся к числу нематериальных благ. При этом в результате совершенствования гражданского законодательства в части правового регулирования нематериальных благ в ГК РФ появилась новая специальная статья 152.2 «Охрана частной жизни гражданина»[2]. В указанной статье ГК РФ в качестве общего правила предусмотрен запрет на сбор, хранение, распространение и использование сведений о частной жизни лица, в том числе о его личной и семейной жизни. Примечательно, что исключения из этого общего правила и допустимость сбора, хранения, распространения и использования сведений о частной жизни лица связаны с публичными интересами. Пленум Верховного Суда РФ дал следующие разъяснения: «без согласия гражданина обнародование и использование его изображения допустимо в силу подпункта 1 пункта 1 статьи 152.1 ГК РФ, то есть когда имеет место публичный интерес, в частности если такой гражданин является публичной фигурой (занимает государственную или муниципальную должность, играет существенную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или любой иной области), а обнародование и использование изображения осуществляется в связи с политической или общественной дискуссией или интерес к данному лицу является общественно значимым»[3]. Добавим, что личная и семейная жизнь, несмотря на многочисленные подходы к их трактовке, воспринимаются как сфера частных интересов лица, охраняемая государством. На примере этих правовых категорий достаточно ярко прослеживается доминанта частного интереса.

Отсутствие легальных дефиниций таких категорий, как «личная тайна» и «семейная тайна», предопределяет научный интерес к трактовке данных понятий. Так, О. Ю. Ильина исходит из следующего представления о личной тайне: «личная тайна – это любые сведения о фактах, событиях и жизни гражданина, разглашение которых он считает нежелательным и предпринимает меры для того, чтобы эти сведения не стали известными другим лицам» [13, с. 353]. Что касается представления о семейной тайне, то в трактовке О. Ю. Ильиной семейная тайна включает в себя те же сведения, что и личная тайна, однако отношения, связанные с семейной тайной, принципиально отличаются особым субъектным составом, включающим супругов, родителей и детей, а также иных родственников и членов семьи. В юридической доктрине предложены и иные формулировки «семейной тайны», однако существенной дискуссии относительно родовидовых признаков этого понятия не имеется. Остаются нерешенными иные вопросы, связанные с семейной тайной, в том числе: каково соотношение личной и семейной тайны; могут ли сведения, относящиеся к личной тайне, при определенных условиях становится объектом семейной тайны; что является критерием отнесения сведений к интересам только одного лица или интересам семьи в целом; сохраняется ли семейная тайна при прекращении семейных отношений, например, в случае расторжения брака и т. д. В законодательстве отсутствуют нормы права, позволяющие однозначно ответить на эти вопросы.

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. (с изм. от 24.06.2013). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 2 июля 2013 г. № 142-Ф. URL: http://www.pravo.gov.ru.

[3] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8 (август).

protection in family legislation is also being actively studied by foreign legal scholars, which is confirmed by a large number of scientific developments on this topic [56; 62; 65; 77].

According to O. Yu. Ilyina, in conditions of widespread automated processing of personal data, ‘our lives become so ‘transparent’ that no personal and family secrets actually bear an ‘elementary secrecy label’’ [13, p. 350]. We cannot but agree with this remark: in the context of digitalization, the private life of a citizen has become much more vulnerable, and this determines the importance of studying the relations arising from the use and processing of personal data through the prism of private and public interests.

It should be emphasized that Article 8 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms[1] and Article 23 of the Constitution of the Russian Federation use different terms related to the private life of a citizen. This explains the differences in approaches to the interpretation of some related categories (‘privacy’, ‘personal secret’, ‘family secret’). The ECHR proceeds from fairly broad ideas about private life in general and family life in particular, which presupposes an open list of data related to private and family life. The practice of the ECHR demonstrates many court decisions that protect the right to respect for the family life of persons who are not officially married to each other. A different approach to the circle of participants in relations protected by the concept of family life is presented in Russian legislation and implemented in the law enforcement practice of the Russian courts: family life covers only relatives, spouses, and their children.

According to Item 1 of Article 150 of the Civil Code of the Russian Federation, privacy, personal and family secret are non-material values. Moreover, new special Article 152 entitled ‘Protection of the private life of a citizen’ was introduced into the Civil Code of the Russian Federation as a result of work on the improvement of civil legislation covering the legal regulation of non-material values[2]. In accordance with the general rule of this article, the collection, storage, dissemination, and use of information about a person’s private life, including his personal and family life, is prohibited. It is noteworthy that the exceptions to this general rule and the admissibility of collecting, storing, distributing, and using information about a person’s private life are associated with the public interests. The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation provided the following explanation: ‘in the absence of a citizen’s consent, the publication and use of his/her image is permissible by virtue of sub-item 1 of Item 1 of Article 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation, that is, when there is a public interest, in particular if such a citizen is a public figure (holds a state or municipal position, plays a significant role in public life in the sphere of politics, economics, art, sports, or any other field), and the publication and use of the image is carried out in connection with a political or public discussion, or if the interest in this person is socially significant’[3]. Let us add that personal and family life, despite various views on their interpretation, are perceived as a sphere of private interests of a person and are protected by the state. The example of these legal categories quite clearly demonstrates the dominance of private interest.

The absence of legal definitions of such categories as ‘personal secret’ and ‘family secret’ determines the scientific interest in defining these concepts. O. Yu. Ilyina provides the following understanding of personal secrets: ‘a personal secret is any information about facts, events, and the life of a citizen the disclosure of which is considered by him to be undesirable so he takes measures to ensure that this information does not become known to other persons’ [13, p. 353]. As to the concept of a family secret, in O. Yu. Ilyina’s interpretation, a family secret includes the same information as a personal secret, but relations associated with a family secret fundamentally differ in a special circle of participants that includes spouses, parents, and children, as well as other relatives and family members. Legal doctrine also provides other definitions of the ‘family secret’, but there is no substantial discussion regarding the generic characteristics of this concept. There are other issues related to family secrets that remain unresolved, including the following: about the relationship between personal and family secrets; whether information related to a personal secret can, under certain conditions, become the object of a family secret; what the criterion is for attributing data to the interests of only one person or to the interests of the family as a whole; whether a family secrecy is to be preserved when family relations are terminated, for example, in the case of divorce, etc. There are no legal norms in the legislation that make it possible to answer these questions unambiguously.

[1] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: concluded in Rome on November 4, 1950 (as amended on June 24, 2013). Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

[2] On the Introduction of Amendments to subsection 3 of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 142-FZ of July 2, 2013. Available at: http://www.pravo.gov.ru .

[3] On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of June 23, 2015. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2015. No. 8 (August).

К числу правовых гарантий семейной тайны следует отнести режим тайны усыновления, предусмотренный статьей 139 СК РФ. Однако и в случае с тайной усыновления возникают схожие с описанными выше вопросы: обязан ли один из усыновителей в случае расторжения брака с другим усыновителем сохранять сведения об усыновлении в тайне; какова ответственность за их разглашение в описанном случае; распространяется ли режим тайны усыновления на супруга, не участвовавшего в усыновлении и т. д.

Примером трансформации сведений, составляющих личную тайну, в информацию, относящуюся к семейной тайне, может быть признано сообщение одним лицом, вступающим в брак, другому лицу, вступающему в брак, результатов своего обследования, составляющих врачебную тайну. При этом незаключение брака по тем или иным причинам между указанными лицами будет означать отсутствие у лица, сообщившего такие сведения, правовых гарантий обеспечения права на личную тайну. Справедливым будет подчеркнуть несовершенство семейного и гражданского законодательства в части обеспечения режимом тайны сведений, касающихся применения вспомогательных репродуктивных технологий.

Дискуссия о соотношении гражданского и семейного права

В научной литературе не прекращаются дискуссии по поводу соотношения гражданского и семейного права, а также разграничения их предметов. А. М. Рабец справедливо заметила, что «вопрос об отраслевой самостоятельности семейного права пока еще является дискуссионным» [32, с. 9]. Проводя четкую грань между семейными и гражданскими правоотношениями, Л. М. Пчелинцева привела конкретные критерии такой дифференциации, заметив, что семейные правоотношения отличаются спецификой юридических фактов, влияющих на их динамику; лично-правовым характером соответствующей связи; неотчуждаемостью семейных прав и обязанностей; стабильностью участников семейных правоотношений [31, с. 28]. Е. А. Чефранова пишет о том, что существенная разница между предметом семейного и гражданского права убедительно доказана в многочисленных научных изысканиях [40]. Такие исследования, безусловно, имеются в большом количестве [49; 54; 55]. О. И. Дерюшева называет семейное право «недавно отпочковавшейся от гражданского права самостоятельной отраслью российского права» [8, с. 70]. Идея об отраслевой самостоятельности семейного права поддерживается большинством ученых-юристов. Интересно, что эта идея нередко аргументируется наличием отдельного акта семейно-правовой кодификации. Примечательно, что интерес к обсуждаемой проблематике демонстрируют и зарубежные исследователи частного права [73]. Так, в одной из работ оспаривается широко распространенное мнение о том, что семейное право является второстепенной отраслью частного права [68].

Идею отсутствия критериев, позволяющих отграничить семейное право от иных отраслей права, отстаивает М. В. Антокольская [2]. Придерживаясь аналогичной точки зрения, Т. М. Халецкая связывает стремление некоторых ученых к обоснованию уникальности семейных правоотношений не столько со спецификой этих отношений, сколько с их желанием доказать самостоятельность семейного права как отрасли права [39, с. 87]. Заметим, что в науке семейного права найдется немало сторонников признания за семейным правом статуса ведущей подотрасли гражданского права. В свое время М. И. Брагинский, будучи приверженцем обозначенного подхода, отмечал тенденцию к слиянию семейного права с правом гражданским [6, с. 75].

Зарубежные ученые-юристы в своих научных разработках акцентируют внимание на том, что семейное право существенно отличается от иных отраслей права, что обусловлено спецификой регулируемых отношений [72].

С нашей точки зрения, семейное право, обладая собственным предметом и методом правового регулирования, а также некоторыми другими отличительными признаками, характеризующими уникальность этой отрасли (например, наличием специфических юридических процедур, традиционно связанных с регистрацией актов гражданского состояния), является самостоятельной комплексной отраслью, занимающей особое место в российской системе законодательства. Для обоснования этого тезиса считаем целесообразным обратиться к анализу понятия и сущности семьи.

К вопросу о понятии и сущности семьи

Как верно подчеркивает М. Л. Дункан, современное семейное право – это междисциплинарная область, которая учитывает правовые, социологические, психологические и экономические аспекты [50]. Признавая, что семья выступает предметом исследования разнообразных гуманитарных наук, в рамках которых сформировались собственные научные представления о семье, предлагаем в рамках настоящей части статьи сконцентрироваться только на тех концептах, которые представлены в цивилистике.

Несмотря на то что правовым исследованиям свойственно восприятие семьи через призму прав и обязанностей лиц, относящихся к этому союзу, семейно-правовая наука изобилует доктринальными определениями семьи, по-разному объясняющими ее сущность.

Стоит отметить, что в современном обществе происходит существенная трансформация семейных отношений. К примеру, значительной корректировке подверглись традиционные представления о распределении гендерных функций между членами семьи,

The legal guarantees of family secrecy include the secret of adoption, provided for in Article 139 of the Family Code of the Russian Federation. However, there arise questions similar to those described above: whether one of the adoptive parents is obliged not to disclose information about the adoption in the event of divorce; what the responsibility is for disclosing such information in this case; whether the regime of secrecy of adoption applies to the spouse who did not participate in the adoption, etc.

As to the transformation of information constituting a personal secret into information representing a family secret, it is possible to give an example of the announcement by one person entering into marriage to the other person entering into this marriage of the results of his/her health examination, these constituting a medical secret. The failure of these persons to enter into marriage, for one reason or another, will mean that the person who has provided such information has no legal guarantees that his/her privacy rights will be secured. It is also fair to emphasize the imperfection of family and civil legislation in terms of ensuring the secrecy of information that is related to the use of assisted reproductive technologies.

Discussion on the Relationship Between Civil and Family Law

There are ongoing discussions in the scientific literature about the relationship between civil and family law, as well as about the distinction between their subjects. A. M. Rabets was right to note that 'the issue of the branch independence of family law is still debatable' [32, p. 9]. For drawing a clear line between family and civil legal relations, L. M. Pchelintseva gave specific criteria for such differentiation, noting that family legal relations differ in the specifics of legal facts affecting their dynamics, in the personal-law nature of the relevant relationship, in the inalienability of family rights and duties, and in the stability of participants in a family legal relationship [31, p. 28]. E. A. Chefranova writes that the essential difference between the subject of family law and that of civil law has been convincingly proven in numerous scientific studies [40]. Such studies are available in large numbers [49; 54; 55]. O. I. Deryusheva calls family law 'an independent branch of Russian law that has recently spun off from civil law' [8, p. 70]. The idea of the branch independence of family law is supported by the majority of legal scholars. Interestingly, this view is often substantiated by the existence of a separate act of family law codification. Foreign researchers of private law also demonstrate interest in the discussed issues [73]. For example, one of their studies challenges the widespread view that family law is a secondary branch of private law [68].

M. V. Antokolskaya stands for the idea of the absence of criteria making it possible to distinguish family law from other branches of law [2]. Adhering to a similar point of view, T. M. Khaletskaya explains the desire of some scientists to substantiate the uniqueness of family legal relations not so much by the specifics of these relations as by their desire to prove the independence of family law as a branch of law [39, p. 87]. It should be noted that many scholars in the science of family law support the idea of recognizing family law as the leading sub-branch of civil law. Being an adherent to this approach, M. I. Braginsky noted a tendency to merge family law with civil law [6, p. 75].

Foreign legal scholars focus on the fact that family law differs significantly from other branches of law due to the specifics of the regulated relations [72].

From our point of view, family law has its own subject and method of legal regulation, as well as some other distinctive features that characterize the uniqueness of this branch (for example, the specific legal procedures traditionally associated with the registration of acts of civil state), and thus is an independent complex branch holding a special place in the Russian legislative system. To substantiate this thesis, it appears appropriate to turn to an analysis of the concept and essence of the family.

On the Concept and Essence of the Family

As M. L. Duncan was right to emphasize, modern family law is an interdisciplinary sphere that encompasses legal, sociological, psychological, and economic aspects [50]. While recognizing that the family is a subject being examined in various human sciences that have their own specific ideas on the family formed within their framework, in this article we suggest focusing only on those concepts that are presented in the science of civil law.

Despite the fact that legal studies typically percept the family through the prism of rights and duties of persons belonging to it, the family law science is replete with doctrinal definitions of the family which explain its essence in different ways.

It is worth noting that there is a significant transformation of family relations that is taking place in modern society. For example, traditional ideas about the distribution of gender functions among family members have undergone significant adjustments,

на что достаточно часто указывают зарубежные исследователи частного права [51; 57; 60; 70; 75; 78; 80], обращая внимание на то, что меняющиеся семейные устои являются объективной предпосылкой будущих преобразований семейного законодательства. Однако несмотря на это обстоятельство, законодатели разных стран мира по-прежнему ставят брак в основу правового регулирования семейных отношений [59].

Н. Н. Тарусина справедливо обратила внимание на то, что «законодатель отнюдь не избегает дефинировать “общеизвестные понятия”», что подтверждается наличием в семейном законодательстве легальных дефиниций таких понятий, как ребtнок (ст. 54 СК РФ), брак, фиктивный брак (ст. 27 СК РФ), однако не дает легальной дефиниции понятию «семья» [35]. К слову, именно этот аргумент – наличие легальной дефиниции фиктивного брака, в содержании которой употребляется понятие семьи, и одновременное отсутствие легальной дефиниции семьи – используется сторонниками закрепления определения этого понятия в семейном законодательстве.

Потребность в легальной дефиниции понятия «семья» связана и с некоторыми иными нормами семейного законодательства, например, в пункте 1 статьи 1 СК РФ отмечается, что семья охраняется государством, а семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи. В связи с этим эффективный механизм правовой охраны семьи может быть создан только в случае определенности в содержании понятия «семья». В. А. Микрюков справедливо подчеркивает, что семейно-правовая однозначность в этом вопросе достигается в тех случаях, когда установление юридической связи гражданина с семьей предопределяет его правовой статус в иных отраслях [25]. Т. В. Шершень прямо пишет: «представляется логичным закрепить в СК РФ легальное определение понятия семьи» [42, с. 17]. По мнению А. Н. Левушкина, «рассматривая социальную функцию семейного права как основную, следует признать целесообразным легальное закрепление понятия семьи» [23, с. 57]. С позиции Н. Н. Тарусиной, «сей же час следует ускорить открытие указанного понятийного ряда нормативно-правовым конструктом семьи» [35, с. 32]. В науке немало сторонников и иных взглядов на дефинирование понятия «семья».

Вместе с тем большинство представителей семейно-правовой науки исходят из отсутствия потребности в легальном определении семьи, обосновывая свою позицию различными аргументами. Так, М. В. Антокольская считает это понятие социологическим, лишенным правового содержания [2, с. 8]; И. А. Косарева исходит из того, что дефинирование семьи «не представляется возможным в силу многогранности этого общественного института» [19, с. 25]. По мнению И. А. Трофимец, несмотря на значимость понятийно-категориального аппарата семейного права, потребность в легальной дефиниции понятия «семья» объективно отсутствует, поскольку правовое значение имеет статус «члена семьи», который и нуждается в дефинировании [37]. Действительно, проблема выяснения круга членов семьи является одной из наиболее актуальных. Это связано прежде всего с неопределенностью содержания понятия «семья» и дифференциацией подходов к ее пониманию в рамках нормативно-правовых актов, относящихся к различным отраслям российского законодательства. Так, в некоторых нормативно-правовых актах разной юридической силы предложены перечни лиц, относящихся к членам семьи, для целей соответствующего отраслевого правового регулирования[1].

Одним из наиболее распространенных подходов к определению понятия «семья» является указание на основания ее возникновения и присущих родовидовых признаках. Этот подход был последовательно представлен в трудах дореволюционных, а затем и советских ученых-юристов. С точки зрения Х. В. Белашевой и Ю. Г. Лесковой, «ключевым признаком семьи является институциональная общность, признанная государством и складывающаяся на основе вступления в брачно-партнерские отношения мужчины и женщины, несущих ответственность за здоровье и воспитание детей» [4, с. 34]. Такой подход к пониманию семьи нам не кажется универсальным, хотя некоторые признаки, содержащиеся в указанном определении, действительно характеризуют семью. К примеру, А. А. Елисеева справедливо подчеркивает, что «современные российские семьи в основе своей уже не только не многодетны, но зачастую не имеют даже традиционного состава (родители-супруги и дети)» [12, с. 67].

Поскольку существовавшая ранее аксиома о ведении общего совместного хозяйства в современных реалиях утратила свое определяющее значение для квалификации союза мужчины и женщины в качестве семьи, А. А. Мохов и Ю. А. Свирина полагают возможным рассматривать институт семьи через набор ее базовых функций [27].

[1] Например, речь идет о таких нормативно-правовых актах, как: ЖК РФ (п. 1 ст. 31), ГК РФ (п. 1 ст. 292); Федеральный закон от 28 дек. 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (ст. 10); Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О статусе военнослужащих»; Федеральный закон от 15 дек. 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»; Федеральный закон от 20 авг. 2004 г. № 117-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих»; Федеральный закон от 14 июня 2011 г. № 136-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О медицинской помощи гражданам Российской Федерации из числа лиц гражданского персонала воинских формирований Российской Федерации, дислоцированных на территориях некоторых иностранных государств, членов их семей и членам семей военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в этих воинских формированиях, и внесении изменения в статью 11 Федерального закона “Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации”» и др.

which is often pointed out by foreign researchers of private law [51; 57; 60; 70; 75; 78; 80]. Foreign scholars emphasize that the changing family principles are an objective prerequisite for future transformations of family legislation. However, despite this circumstance, legislators from around the world still see marriage as the basis for the legal regulation of family relations [59].

N. N. Tarusina was right to note that ‘the legislator by no means avoids defining ‘well-known concepts’’, which is confirmed by the inclusion of such legal definitions as child (Article 54 of the RF Family Code), marriage, fictitious marriage (Article 27 of the RF Family Code) in family legislation, although the legal definition of the ‘family’ is not given [35]. Meanwhile, this particular argument – the existence of a legal definition of fictitious marriage, with the concept of family used in its content, and the simultaneous absence of a legal definition of family itself – is used by the supporters of the idea of enshrining the definition of this concept in family legislation.

The need for a legal definition of the ‘family’ concept is also dictated by the presence of this term in some other norms of family legislation. For example, Item 1 of Article 1 of the RF Family Code states that the family is protected by the state, family legislation takes as a premise the need to strengthen the family. Thus, an effective mechanism for the legal protection of the family can only be created if the content of the ‘family’ concept is clear. V. A. Mikryukov is right to emphasize that family-law unambiguity in this issue is possible to achieve in those cases where the establishment of a legal connection between a citizen and his family determines his legal status in other branches [25]. T. V. Shershen expressly says that ‘it seems logical to settle the legal definition of the family concept in the Family Code of the Russian Federation’ [42, p. 17]. According to A. N. Levushkin, ‘if the social function of family law is viewed as the main function, it is advisable to legally settle the concept of family’ [23, p. 57]. From the point of view of N. N. Tarusina, the introduction of the ‘family’ construct as opening a relevant list of related concepts should be sped up [35, p. 32]. In science there are also many supporters of other views on the definition of the ‘family’ concept.

At the same time, most representatives of the family law science deem it not necessary to legally define ‘family’ justifying their position with various arguments. For example, M. V. Antokolskaya considers this concept to be sociological and empty of legal content [2, p. 8]; I. A. Kosareva believes that it is not possible to define family ‘due to the versatility of this public institution’ [19, p. 25]. According to I. A. Trofimets, despite the importance of the conceptual and categorical framework of family law, there is no objective need for a legal definition of the ‘family’ concept since it is only the status of a ‘family member’ that has legal significance and thus needs to be defined [37]. It is true that the problem of clarifying the circle of family members is among the most essential. This is primarily due to the uncertain content of the ‘family’ concept and the differentiation of approaches to understanding the family in regulatory legal acts belonging to various branches of Russian legislation: for the purpose of legal regulation within a certain branch, some normative legal acts of different legal force provide lists of persons classified as family members[1].

One of the most common approaches to defining the ‘family’ concept involves indication of the reasons for its creation and the inherent generic characteristics. This approach was consistently presented in the works of pre-revolutionary and Soviet legal scholars. According to Kh. V. Belasheva and Yu. G. Leskova, ‘the key feature of a family is an institutional commonality recognized by the state and formed on the basis of marriage and partnership between a man and a woman responsible for the health and upbringing of children’ [4, p. 34]. Seemingly, this approach to understanding the ‘family’ is not universal, although some of the features contained in this definition do characterize the family. For example, A. A. Eliseeva is right to emphasize that ‘modern Russian families are, in essence, no longer multi-child families and often do not even include traditional family members (parents-spouses and children)’ [12, p. 67]

Since the previously existing axiom of running a joint household has lost its crucial importance in modern realities for classifying the union of a man and a woman as a family, A. A. Mokhov and Yu. A. Svirina consider it possible to view the institution of the family through a set of its basic functions [27].

[1] These include, for example, the following normative legal acts: the Housing Code of the Russian Federation (Item 1 of Article 31); the Civil Code of the Russian Federation (Item 1 of Article 292); Federal Law No. 400-FZ ‘On Insurance Pensions’ of December 28, 2013 (Article 10); Federal Law No. 76-FZ ‘On the Status of Military Personnel’ of July 27, 1998 (as of May 29, 2024); Federal Law No. 166-FZ ‘On the Provision of State Pension in the Russian Federation’ of December 15, 2001 (as of July 13, 2024); Federal Law No. 117-FZ ‘On the Accumulative Mortgage System of Housing Provision for Military Personnel’ of August 20, 2004 (as of April 28, 2023); Federal Law No. 136-FZ ‘On Medical Assistance to Citizens of the Russian Federation from among the Civilian Personnel of Military Formations of the Russian Federation Stationed in the Territories of Certain Foreign Countries, Their Family Members and Family Members of Military Personnel Serving under Contract in These Military Formations, and on the Introduction of Amendments to Article 11 of the Federal Law ‘On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation’ of June 14, 2011 (as of July 2, 2013), etc.

Семейно-правовая наука содержит немало доктринальных дефиниций семьи, предлагаемых различными учеными. Однако все множество определений может быть дифференцировано, главным образом, на два подхода: семья как субъект права и семья как объект права. Идея придания семье качеств субъекта права впервые прозвучала в советских научных исследованиях. Этот взгляд поддерживается и современными учеными-юристами. Так, Ю. А. Королев подчеркнул, что «семья и ее члены могут подвергаться правовому воздействию как единый организм (в отдельных оговоренных случаях)» [18]. Мнение о том, что семья представляет собой объект правовой охраны, было высказано А. М. Нечаевой [28, с. 104]. Представляется, что определение статуса семьи в семейных отношениях составляет основу для выяснения предмета семейно-правового регулирования.

Поддерживая в целом все приведенные выше точки зрения правоведов, по-разному объясняющие понятие и содержание семьи и семейных правоотношений, предложим принципиально иной подход. На наш взгляд, в строгом смысле слова понятие «семья» лишено правового содержания, поскольку под правовое регулирование подпадают только общественные отношения, через которые реализуются охраняемые законом интересы членов семьи. Из этого следует вывод о том, что семья может пониматься, главным образом, в двух основных смыслах: семья как длящееся правоотношение и семья как союз с участием определенных лиц, круг которых обусловлен целями и предметом семейно-правового регулирования.

Выводы

Аргументировано, что деление права на частное и публичное имеет эвристическое и методологическое значение для современной семейно-правовой доктрины и должно использоваться через призму следующих рекомендаций: (1) дуализм права не тождественен противостоянию частного и публичного и не свидетельствует об их конфликтном состоянии; (2) признание сложного сочетания частных и публичных начал в любом правоотношении предопределяет важность поиска их баланса, а также выяснения особенностей конвергенции; (3) определение правовой сущности отдельно взятой нормы права надлежит осуществлять путем выяснения охраняемого ей интереса.

Доказано, что учет дуализма права имеет решающее значение: 1) для законодателя, который при надлежащем определении правовой сущности создаваемой нормы права способен обеспечить эффективное правовое регулирование; 2) правоприменителя, который при корректном выяснении публично-правовой или частноправовой направленности нормы права, подлежащей применению, а также выяснении интереса, охраняемого ей, способен принять решение в соответствии с волей законодателя и назначением соответствующей нормы права; 3) представителей юридической доктрины, которым надлежит продолжить формирование теории семейного правоотношения с учетом актуальных историко-политических событий и обстоятельств.

Выяснено, что однозначная констатация публично-правовой или частноправовой природы семейного правоотношения, несмотря на предпринятые в этом направлении многочисленные научные попытки, представляется невозможной по следующим обстоятельствам: 1) семейное право является комплексной отраслью права и гармонично сочетает в себе публично-правовые и частноправовые элементы; 2) сложная природа семейных правоотношений при их особой социальной ценности предопределяет одновременную охрану частного и публичного интересов.

Анализ конкретных примеров, наглядно демонстрирующих сочетание частных и публичных начал в семейном праве, позволяет сделать вывод о том, что именно интерес выполняет критериальную функцию при определении частноправового или публично-правового воздействия на общественные отношения. Из этого следует принципиальный вывод о том, что публично-правовая и частноправовая природа семейного правоотношения предопределяется публичным или частным интересом, находящим отражение в тех или иных нормах семейного законодательства. Следовательно, интерес является системообразующим признаком семейного правоотношения.

Соотношение частных и публичных интересов, наблюдаемое в семейно-правовом регулировании, дает основание для квалификации семейного права в качестве самостоятельной отрасли права. Кроме того, доказательствами самостоятельности семейного права как отдельного элемента российской правовой системы следует признать следующие факты: (1) предметом семейного права являются уникальные по своей сущности семейные правоотношения; (2) в предмет семейно-правового регулирования включены специфические организационные отношения, не имеющие аналогов (государственная регистрация актов гражданского состояния).

Анализ некоторых норм семейного законодательства позволяет сделать вывод об отождествлении таких понятий, как «семья» и «брак», что некорректно с точки зрения разной направленности публично-правовых интересов семьи и частноправовых интересов супругов. С учетом сформулированного определения «семейных правоотношений», раскрытых через призму семьи, считаем необходимым легальное дефинирование понятия «семья». Семья – это единое, длящееся правоотношение, возникающее между супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными) по поводу нематериальных благ, удовлетворяющих их частный интерес.

The science of family law contains numerous doctrinal definitions of ‘family’ proposed by various scientists. In general, all these can be grouped into two categories: those treating the family as a subject at law and those treating the family as an object of law. The idea of attributing the quality of a subject to the family was first pronounced in Soviet scientific research. This view is also supported by modern legal scholars. For example, Yu. A. Korolev emphasized that ‘the family and its members can be influenced by law as a single organism (in certain specified cases)’ [18]. A. M. Nechaeva expressed the opinion that the family is an object of legal protection [28, p. 104]. It seems that determining the status of the family in family relations forms the basis for defining the subject of family law regulation.

While generally supporting all the above points of view that explain the concept and content of the family and family legal relations in different ways, we propose a fundamentally different approach. In our opinion, in the strict sense of the word, the concept of the ‘family’ is empty of legal content since legal regulation covers only social relations through which the legally protected interests of family members are implemented. It follows from this that the family can be interpreted in two main senses: the family as a continuing legal relationship and the family and as a union with the participation of certain persons the circle of which is determined by the goals and the subject of the family law regulation.

Conclusion

The paper has substantiated that the division of law into private and public has heuristic and methodological significance for modern family law doctrine and should be applied while taking into account the following recommendations: (1) the dualism of law is not the confrontation between private and public sectors and it does not indicate their conflict; (2) the recognition of a complex combination of private and public principles in any legal relationship determines the importance of finding their balance as well as of clarifying the features of convergence; (3) the legal essence of a particular legal rule should be determined through clarifying the interest protected by it.

It has been proven in the paper that taking into account the dualism of law is crucial for: 1) the legislator, able to ensure effective legal regulation where the legal essence of the legal rule being developed has been properly determined; 2) the law enforcer, able to make a decision in accordance with the will of the legislator and the purpose of the relevant legal rule, provided that the public-law or private-law focus of the legal rule has been correctly established and the interest protected by this legal rule has been clarified; 3) the representatives of the legal doctrine, who are to continue to form the theory of family legal relations taking into account the current historical and political events and circumstances.

The study has found that despite numerous scientific attempts made in this direction, it is impossible to unambiguously classify family legal relations as those of public-law nature or private-law nature, which is due to the following circumstances: 1) family law is a complex branch of law and it harmoniously combines public-law and private-law elements; 2) the complex nature of family legal relations, alongside their special social value, determines the simultaneous protection of private and public interests.

An analysis of specific examples that clearly demonstrate the combination of private and public principles in family law leads to a conclusion that it is an interest that plays the role of a criterion in determining the private-law or public-law impact on social relations. The fundamental conclusion from this is that the public-law and private-law nature of a family legal relationship is determined by public or private interest that is reflected in certain norms of family law. Therefore, interest is fundamental (system-forming) feature of a family legal relationship.

The combination of private and public interests observed in family law regulation provides the basis for qualifying family law as an independent branch of law. In addition, the following facts should be recognized as evidence of the independence of family law as a separate element of the Russian legal system: (1) the subject of family law is family legal relations, which are unique in their essence; (2) the subject of family law regulation includes specific organizational relations that have no analogues (state registration of acts of civil state).

An analysis of some norms of family legislation leads to a conclusion that the concepts ‘family’ and ‘marriage’ are equated, which is incorrect due to different orientation of the public-law interests of the family and the private-law interests of the spouses. In view of the proposed definition of ‘family legal relations’, presented through the prism of the ‘family’ concept, we consider it necessary to legally define the concept of ‘family’. The family is a single, lasting legal relationship that arises between spouses, parents, and children (adoptive parents and adopted children) with regard to intangible assets that satisfy their private interest.

Библиографический список

1. *Александров И. Ф.* Правовая природа семейного права как самостоятельной отрасли российского права // Проблемы развития предприятий: теория и практика: сборник научных трудов (г. Самара, 16-17 ноября 2017 г.). Самара: Изд-во Самарского гос. экон. ун-та, 2017. С. 162–167.
2. *Антокольская М. В.* Семейное право: учебник. М.: Юристъ, 1996. 336 с.
3. *Бевзенко Р.С.* Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 127–169.
4. *Белашева Х. В., Лескова Ю. Г.* Семейный бизнес: правовые, психологические методы и стимулы функционирования // Гражданское право. 2024. № 3. С. 34–38.
5. *Богданова Г. В.* Проблемы правового регулирования личных и имущественных отношений между родителями и детьми: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 181 с.
6. *Брагинский М. И.* О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» // Проблемы современного гражданского права. М.: Городец, 2000. С. 46–80.
7. *Ганага В. В.* Публичная природа семейного права в контексте социальной безопасности государства (опыт Германии и России) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 75–81.
8. *Дерюшева О. И.* Об особенностях метода семейно-правового регулирования // Цивилист. 2023. № 4. С. 67–72.
9. *Джандарбек Б. А.* Теоретические взгляды о месте и роли семейного права // Семейное и жилищное право. 2011. № 6. С. 27–31.
10. *Долгов Ю. Г.* Охраняемые законом интересы супругов, родителей и несовершеннолетних детей в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 24 с.
11. *Егупов В. А.* К вопросу о месте семейного права в российской правовой системе // Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2023. С. 603–612.
12. *Елисеева А. А.* Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 67–74.
13. *Ильина О. Ю.* Личная и семейная тайна как персональные данные гражданина // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования РФ О. Ю. Ильиной: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2023. С. 348–356.
14. *Ильина О. Ю.* Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.
15. *Исаенков А. А.* Родственный и супружеский иммунитеты в гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 24–27.
16. *Карибян С. О.* Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 192 с.
17. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб.: Изд-во Юрайт, 1898. 354 с.
18. *Королев Ю. А.* Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 61–66.
19. *Косарева И. А.* Условия заключения брака и основания его недействительности // Российская юстиция. 2009. № 12. С. 26–29.
20. *Косяков А. Ю.* Правоприменение императивных норм общей части семейного права // Российский судья. 2011. № 7. С. 14–18.
21. *Кузнецова О. А.* Принципы гражданского права: современное состояние вопроса // Власть Закона. 2011. № 4. С. 88–89.
22. *Левушкин А. Н.* К вопросу о понятии, предмете и системе семейного права России и других государств – участников СНГ на современном этапе развития // Семейное и жилищное право. 2013. № 5. С. 36–39.
23. *Левушкин А. Н.* Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 55–57.
24. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 2003. Ч. 1. 831 с.
25. *Микрюков В. А.* Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров. М.: Статут, 2021. 164 с.
26. *Михеева Л. Ю.* Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–5.
27. *Мохов А. А., Свирин Ю. А.* Новый подход к пониманию института семьи // Современное право. 2024. № 1. С. 5–11.
28. *Нечаева А. М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. 280 с.
29. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. 3-е изд. М.: Статут, 2001. 354 с.
30. *Попондопуло В. Ф.* Частное и публичное право как отрасли права // Цивилистические записки. М.: Статут, 2002. С. 17–40.
31. *Пчелинцева Л. М.* Семейное право России: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. М.: НОРМА, 2007. 663 с.
32. *Рабец А. М.* Конституционные принципы семейного права Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 9–11.
33. *Серова О. А.* «Правовое пространство» гражданского права: проблемы конвергенции частноправового и публично-правового регулирования //

References

1. Aleksandrov I. F. *Pravovaya priroda semeynogo prava kak samostoyatel'noy otrasli rossiyskogo prava* [Legal Nature of Family Law as an Independent Branch of Russian Law]. *Problemy razvitiya predpriyatiy: teoriya i praktika* [Problems of Enterprise Development: Theory and Practice]: a collection of scientific papers. Samara, 2017. Pp. 162–167. (In Russ.).
2. Antokol'skaya M. V. *Semeynoe pravo* [Family Law]: a textbook. Moscow, 1996. 336 p. (In Russ.).
3. Bevzenko R. S. *Kommentariy k st. 8.1 Grazhdanskogo kodeksa RF* [Commentary to Article 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* – Herald of Economic Justice. 2019. Issue 11. Pp. 127–169. (In Russ.).
4. Belasheva Kh. V., Leskova Yu. G. *Semeynyy biznes: pravovye, psikhologicheskie metody i stimuly funktsionirovaniya* [Family Business: Legal, Psychological Methods and Incentives for Functioning]. *Grazhdanskoe pravo* – Civil Law. 2024. Issue 3. Pp. 34–38. (In Russ.).
5. Bogdanova G. V. *Problemy pravovogo regulirovaniya lichnykh i imushchestvennykh otnosheniy mezhdu roditelyami i det'mi: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of Legal Regulation of Personal and Property Relations Between Parents and Children: Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 1999. 181 p. (In Russ.).
6. Braginskiy M. I. *O meste grazhdanskogo prava v sisteme «pravo publichnoe – pravo chastnoe»* [On the Place of Civil Law in the System 'Public Law – Private Law']. *Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava* [Problems of Modern Civil Law]: a collection of articles. Moscow, 2000. Pp. 46–80. (In Russ.).
7. Ganaga V. V. *Publichnaya priroda semeynogo prava v kontekste sotsial'noy bezopasnosti gosudarstva (opyt Germanii i Rossii)* [Public Nature of Family Law in the Context of Social Security of the State (Experience of Germany and Russia)]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* – Actual Problems of Russian Law. 2015. Issue 5. Pp. 75–81. (In Russ.).
8. Deryusheva O. I. *Ob osobennostyakh metoda semeyno-pravovogo regulirovaniya* [On the Features of the Method of Family Law Regulation]. *Tsivilist* – Civilist. 2023. Issue 4. Pp. 67–72. (In Russ.).
9. Dzhandarbek B. A. *Teoreticheskie vzglyady o meste i roli semeynogo prava* [Theoretical Views on the Place and Role of Family Law]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2011. Issue 6. Pp. 27–31. (In Russ.).
10. Dolgov Yu. G. *Okhranyaemye zakonom interesy suprugov, roditeley i nesovershennoletnikh detey v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Interests of Spouses, Parents and Minor Children Protected by Law in Family Law of the Russian Federation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 24 p. (In Russ.).
11. Egupov V. A. *K voprosu o meste semeynogo prava v rossiyskoy pravovoy sisteme* [On the Place of Family Law in the Russian Legal System]. *Konvergentsiya chastnopravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy skvoz' prizmu effektivnosti prava* [Convergence of Private-Law Regulation of Social Relations Through the Prism of the Effectiveness of Law]: a monograph. Ed. by A. N. Levushkin, E. Kh. Nadyseva. Moscow, 2023. Pp. 603–612. (In Russ.).
12. Eliseeva A. A. *Sem'ya i semeynye tsennosti: podkhody k ponimaniyu v usloviyakh sovremennogo prava* [Family and Family Values: Approaches to Understanding in the Context of Modern Law]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* – Actual Problems of Russian Law. 2022. Issue 3. Pp. 67–74. (In Russ.).
13. Il'ina O. Yu. *Lichnaya i semeynaya tayna kak personal'nye dannye grazhdanina* [Personal and Family Secret as Personal Data of a Citizen]. *Garmonizatsiya chastnykh i publichnykh interesov v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii* [Harmonization of Private and Public Interests in Family Law of the Russian Federation]: a monograph. Moscow, 2023. Pp. 348–356. (In Russ.).
14. Il'ina O. Yu. *Problemy interesa v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii* [Problems of Interest in Family Law of the Russian Federation]. Moscow, 2007. 192 p. (In Russ.).
15. Isaenkov A. A. *Rodstvennyy i supruzheskiy immunitety v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Kinship and Spousal Immunities in Civil Proceedings]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2018. Issue 1. Pp. 24–27. (In Russ.).
16. Karibyan S. O. *Semeyno-pravovaya otvetstvennost': sushchnost' i pravoprimenenie* [Family Law Liability: Essence and Law Enforcement]: a monograph. Moscow, 2018. 192 p. (In Russ.).
17. Korkunov N. M. *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. St. Petersburg, 1898. 354 p. (In Russ.).
18. Korolev Yu. A. *Sem'ya kak sub''ekt prava* [Family as a Subject of Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2000. Issue 10. Pp. 61–66. (In Russ.).
19. Kosareva I. A. *Usloviya zaklyucheniya braka i osnovaniya ego nedeystvitel'nosti* [Conditions for Concluding Marriage and Grounds for Its Invalidity]. *Rossiyskaya yustitsiya* – Russian Justice. 2009. Issue 12. Pp. 26–29. (In Russ.).
20. Kosyakov A. Yu. *Pravoprimenenie imperativnykh norm obshchey chasti semeynogo prava* [Law Enforcement of Mandatory Norms of the General Part of Family Law]. *Rossiyskiy sud'ya* – Russian Judge. 2011. Issue 7. Pp. 14–18. (In Russ.).
21. Kuznetsova O. A. *Printsipy grazhdanskogo prava: sovremennoe sostoyanie voprosa* [Principles of Civil Law: Current State of the Issue]. *Vlast' Zakona* – The Rule of Law. 2011. Issue 4. Pp. 88–89. (In Russ.).
22. Levushkin A. N. *K voprosu o ponyatii, predmete i sisteme semeynogo prava Rossii i drugikh gosudarstv-uchastnikov SNG na sovremennom etape razvitiya* [On the Issue of the Concept, Subject and System of Family Law in Russia and Other CIS Member States at the Current Stage of Development]. *Semeynoe i*

Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24–25 октября 2014 г.). М.: Статут, 2015. С. 279–283.

34. *Соловьев В.* Право и нравственность: очерки из прикладной этики. СПб.: Я. Канторович, 1899. 177 с.

35. *Тарусина Н. Н.* Семья как общеправовая конструкция // Lex russica. 2020. № 4. С. 21–33.

36. *Толстой Ю. К.* О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 42–55.

37. *Трофимец И. А.* К вопросу о понятийном аппарате семейного права: определение юридических категорий «семья» и «брак» // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 20–23.

38. *Ульянова М. В.* Осуществление и защита прав нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи // Семейное и жилищное право. 2022. № 3. С. 20–25.

39. *Халецкая Т. М.* О соотношении предметов семейного и гражданского права // Актуальные проблемы гражданского права. 2019. № 1-2. С. 87–88.

40. *Чефранова Е. А.* Непоименованные договоры как основание регулирования семейных отношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 7. С. 48–54.

41. *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 719 с.

42. *Шершень Т. В.* О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 6. С. 14–17.

43. *Boshier H. P., Kreeger H. J., Czutrin H. G., Spelman J.* The Role of the State in Family Law // Family Court Review. Vol. 51. Issue 2. Pp. 184–192.

44. *Bowles G.* The Judges' Role in Family Law // Family Court Review. 1970. Vol. 8. Issue 1. Pp. 10–12.

45. *Bradley D.* Comparative Family Law and the Political Process: Regulation of Sexual Morality in Finland // Journal of Law and Society. 2002. Vol. 26. Issue 2. Pp. 175–191.

46. *Bradney A.* Duress, Family Law and the Coherent Legal System // The Modern Law Review. 1994. Vol. 57. Issue 6. Pp. 963–972.

47. *Chin-A-Fat B. E. S.* Challenges and Changes in Dutch Family Law // Family Court Review. 2019. Vol. 57. Issue 3. Pp. 349–354.

48. *Cartwright H. S.* 21st Century Family Law Prospective // Family Court Review. 1989. Vol. 27. Issue 2. Pp. 1–6.

49. *Corns Ch.T.* Reform for Australian Family Law // Australian Journal of Social Issues. 1983. Vol. 18. Issue 2. Pp. 83–89.

50. *Duncan M. L.* Family Law in the United States // The Wiley Blackwell Encyclopedia of Family Studies. 2016. Pp. 112–121 DOI: 10.1002/9781119085621.wbefs538.

51. *Edwards P. E.* Gender Issues in Family Law // Family Court Review. 1997. Vol. 35. Issue 4. Pp. 424–442.

52. *Elkin M.* «The Missing Link in Family Law –Humanism // Family Court Review. 1976. Vol. 14. Issue 1. Pp. 3–5.

53. *Fernando M.* Family Law Proceedings and the Child's Right to be Heard in Australia, the United Kingdom, New Zealand, and Canada // Family Court Review. 2014. Vol. 52. Issue 1. Pp. 46–59.

54. *Firestone G.* Models of Collaboration in Family Law // Family Court Review. 2004. Vol. 42. Issue 2. Pp. 200–202.

55. *Johnston J. R.* Introducing Perspectives in Family Law and Social Science Research // Family Court Review. 2006. Vol. 45. Issue 1. Pp. 15–21.

56. *Harman J. J.* The Protection of Confidentiality in Australian Family Law // Family Court Review. 2020. Vol. 58. Issue 1. Pp. 126–141.

57. *Heenan A.* Neoliberalism, Family Law, and the Devaluation of Care // Journal of Law and Society. 2021. Vol. 48. Issue 3. Pp. 386–409.

58. *Howe W. J., Scully E. P.* Redesigning the Family Law System to Promote Healthy Families // Family Court Review. 2015. Vol. 53. Issue 3. Pp. 361–370.

59. *Huntington C.* Family Law and Nonmarital Families // Family Court Review. 2015. Issue 53. Pp. 233–245. DOI: 10.1002/9781119085621.wbefs538.

60. *Laird S. E.* Family Law, Sex and Society: A Comparative Study of Family Law // Child & Family Social Work. 2010. Vol. 15. Issue 3. Pp. 385–386.

61. *Landau B.* Family Law Reform – Where Do We Go from Here: Parent's Rights, Children's Rights and the Development of a Coherent Policy for Balancing of Interests // Family Court Review. 1988. Vol. 26. Issue 1. Pp. 29–35.

62. *Lempert R.* Empirical Research for Public Policy: With Examples from Family Law // Journal of Empirical Legal Studies. 2008. Vol. 5. Issue 4. Pp. 907–926.

63. *Lux G., Amundson J.* Operationalizing therapeutic jurisprudence in the family law system // Juvenile and Family Court Journal. 2024. Vol. 75. Issue 1. Pp. 1–54.

64. *Lux G., Gill S.* Identifying Coercive Control in Canadian Family Law: A Required Analysis in Determining the Best Interests of the Child // Family Court Review. 2021. Vol. 59. Issue 4. Pp. 810–827.

65. *Maclean M.* Semantics or Sustainability: Socio-legal Research in Family Law, or Sociology of Law and Family Justice // Journal of Law and Society. 2017. Vol. 44. Issue S1. Pp. 61–73.

66. *Mahmood S.* Sectarian conflict and family law in contemporary Egypt // American Ethnologist. 2012. Vol. 39. Issue 1. Pp. 54–62.

67. *Malia S.* Balancing family members' interests regarding stepparent rights and obligations: A social policy challenge // Family Relations. 2005. Vol. 54. Issue 2. Pp. 298–319.

68. *Marella M. R.* The Non-Subversive Function of European Private Law: The Case of Harmonisation of Family Law // European Law Journal. 2006. Vol. 12. Issue 1. Pp. 78–105.

zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law. 2013. Issue 5. Pp. 36–39. (In Russ.).

23. Levushkin A. N. *Napravleniya sovershenstvovaniya Semeynogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Directions for Improving the Family Code of the Russian Federation]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2018. Issue 1. Pp. 55–57. (In Russ.).

24. Meyer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]: in 2 pts. Pt. 1. Moscow, 2003. 831 p. (In Russ.).

25. Mikryukov V. A. *Analogiya zakona i analogiya prava v praktike razresheniya semeyno-pravovykh sporov* [Analogy of Statute and Analogy of Law in the Practice of Resolving Family Law Disputes]. Moscow, 2021. 164 p. (In Russ.).

26. Mikheeva L. Yu. *Perspektivy razvitiya semeynogo prava na rubezhe desyatiletiy* [Prospects for the Development of Family Law at the Turn of the Decade]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2020. Issue 3. Pp. 3–5. (In Russ.).

27. Mokhov A. A., Svirin Yu. A. *Novyy podkhod k ponimaniyu instituta sem'i* [A New Approach to Understanding the Institution of Family]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law. 2024. Issue 1. Pp. 5–11. (In Russ.).

28. Nechaeva A. M. *Semeynoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Family Law: Current Problems of Theory and Practice]. Moscow, 2007 . 280 p. (In Russ.).

29. Pokrovskiy I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Basic Problems of Civil Law]. 3rd ed. Moscow, 2001. 354 p. (In Russ.).

30. Popondopulo V. F. *Chastnoe i publichnoe pravo kak otrasli prava* [Private and Public Law as Branches of Law]. *Tsivilisticheskie zapiski* [Civil Law Notes]. Moscow, 2002. Pp. 17–40. (In Russ.).

31. Pchelintseva L. M. *Semeynoe pravo Rossii* [Family Law of Russia]: a textbook for universities. 5th ed., rev. Moscow, 2007. 663 p. (In Russ.).

32. Rabets A. M. *Konstitutsionnye printsipy semeynogo prava Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional Principles of Family Law of the Russian Federation]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2023. Issue 4. Pp. 9–11. (In Russ.).

33. Serova O. A. *«Pravovoe prostranstvo» grazhdanskogo prava: problemy konvergentsii chastnopravovogo i publichno-pravovogo regulirovaniya* ['Legal Space' of Civil Law: Problems of Convergence of Private-and-Public Law Regulation]. *Pyatyy Permskiy kongress uchenykh-yuristov* [Fifth Perm Congress of Legal Scientists (Perm, October 24–25, 2014)]: selected proceedings. Moscow, 2015. Pp. 279–283. (In Russ.).

34. Solov'ev V. *Pravo i nravstvennost': ocherki iz prikladnoy etiki* [Law and Morality: Essays on Applied Ethics]. St. Petersburg, 1899. 177 p. (In Russ.).

35. Tarusina N. N. *Sem'ya kak obshchepravovaya konstruktsiya* [Family as a General Legal Construct]. *Lex Russica*. 2020. Issue 4. Pp. 21–33. (In Russ.).

36. Tolstoy Yu. K. *O teoreticheskikh osnovakh kodifikatsii grazhdanskogo zakonodatel'stva* [On the Theoretical Foundations of the Codification of Civil Legislation]. *Pravovedenie* – Jurisprudence. 1957. Issue 1. Pp. 42–55. (In Russ.).

37. Trofimets I. A. *K voprosu o ponyatiynom apparate semeynogo prava: opredelenie yuridicheskikh kategoriy «sem'ya» i «brak»* [On the Issue of the Conceptual Apparatus of Family Law: Definition of the Legal Categories 'Family' and 'Marriage']. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2024. Issue 3. Pp. 20–23. (In Russ.).

38. Ul'yanova M. V. *Osushchestvlenie i zashchita prav netrudosposobnykh i nuzhdayushchikhsya chlenov sem'i* [Implementation and Protection of the Rights of Unemployable and Needy Family Members]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2022. Issue 3. Pp. 20–25. (In Russ.).

39. Khaletskaya T. M. *O sootnoshenii predmetov semeynogo i grazhdanskogo prava* [On the Relationship Between the Subjects of Family and Civil Law]. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava* – Actual Problems of Civil Law. 2019. Issue 1-2. Pp. 87–88. (In Russ.).

40. Chefranova E. A. *Nepoimenovannye dogovory kak osnovanie regulirovaniya semeynykh otnosheniy* [Unnamed Contracts as a Basis for Regulating Family Relations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2021. Issue 7. Pp. 48–54. (In Russ.).

41. Shershenevich G. F. *Kurs grazhdanskogo prava* [Course in Civil Law]. Tula, 2001. 719 p. (In Russ.).

42. Shershen' T. V. *O prave na sem'yu i probleme opredeleniya ponyatiya sem'i v sovremennom rossiyskom prave* [On the Right for Family and the Problem of Defining the Concept of Family in Modern Russian Law]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2010. Issue 6. Pp. 14–17. (In Russ.).

43. Boshier H. P., Kreeger H. J., Czutrin H. G., Spelman J. The Role of the State in Family Law. *Family Court Review*. Vol. 51. Issue 2. Pp. 184–192. (In Eng.).

44. Bowles G. The Judges' Role in Family Law. *Family Court Review.* 1970. Vol. 8. Issue 1. Pp. 10–12. (In Eng.).

45. Bradley D. Comparative Family Law and the Political Process: Regulation of Sexual Morality in Finland. *Journal of Law and Society.* 2002. Vol. 26. Issue 2. Pp. 175–191. (In Eng.).

46. Bradney A. Duress, Family Law and the Coherent Legal System. *The Modern Law Review.* 1994. Vol. 57. Issue 6. Pp. 963–972. (In Eng.).

47. Chin-A-Fat B. E. S. Challenges and Changes in Dutch Family Law. *Family Court Review*. 2019. Vol. 57. Issue 3. Pp. 349–354. (In Eng.).

48. Cartwright H. S. 21st Century Family Law Prospective. *Family Court Review.* 1989. Vol. 27. Issue 2. Pp. 1–6. (In Eng.).

49. Corns Ch. T. Reform for Australian Family Law. *Australian Journal of Social Issues.* 1983. Vol. 18. Issue 2. Pp. 83–89. (In Eng.).

50. Duncan M. L. Family Law in the United States. *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Family Studies.* 2016. DOI: 10.1002/9781119085621.wbefs538. (In Eng.).

69. *Mayer B.* Can We Talk? What We Have Learned about How to Have Productive Conflicts About Family Policy and Family Law // Family Court Review. 2018. Vol. 56. Issue 1. Pp. 56–63.

70. *Meller P. J.* A Paradigm Shift in the Practice of Family Law: A Response to Mosten and Traum // Family Court Review. 2018. Vol. 56. Issue 3. Pp. 461–464.

71. *Mosten F. S., Traum L.* Interdisciplinary Teamwork in Family Law // Family Court Review. 2018. Vol. 56. Issue 3. Pp. 437–460.

72. *Nigel Fricker Q.C.* Family Law Is Different // Family Court Review. 1995. Vol. 33. Issue 4. Pp. 395–512.

73. *Rathus Z.* The Role of Social Science in Australian Family Law: Collaborator, Usurper or Infiltrator? // Family Court Review. 2014. Vol. 52. Issue 1. Pp. 69–89.

74. *Reece H.* The Development of Family Law in the Twentieth Century: Informed Reform or Campaigns and Compromises? // The Modern Law Review. 2003. Vol. 63. Issue 4. Pp. 608–622.

75. *Rosato J.* Reforming a Traditional Family Law Professor // Family Court Review. 2006. Vol. 44. Issue 4. Pp. 590–594.

76. *Scheiwe K.* Who is supported? Social security for families with children between family law and social security regulations in Belgium, Germany and the United Kingdom // International Social Security Review. 1994. Vol. 47. Issue 3-4. Pp. 45–67.

77. *Schepard A.* Special Issue on Models of Collaboration in Family Law // Family Court Review. 2004. Vol. 42. Issue 2. Pp. 197–199.

78. *Schore A., McIntosh J.* Family Law and the Neuroscience of Attachment, Part 1 // Family Court Review. 2011. Vol. 49. Issue 3. Pp. 501–512.

79. *Subramanian N.* Legal Change and Gender Inequality: Changes in Muslim Family Law in India // Law & Social Inquiry. 2008. Vol. 33. Issue 3. Pp. 631–672.

80. *Swain Sh., Thornton D.* Fault, Gender Politics and Family Law Reform // Australian Journal of Politics & History. 2011. Vol. 57. Issue 2. Pp. 207–220.

81. *Swennen F., Croce M.* Family (Law) Assemblages: New Modes of Being (Legal) // Journal of Law and Society. 2017. Vol. 44. Issue 4. Pp. 532–558.

82. *Weldon-Johns M.* EU Work-Family Policies-Challenging Parental Roles or Reinforcing Gendered Stereotypes? // European Law Journal. 2013. Vol. 19. Issue 5. Pp. 662–681.

References

1. Aleksandrov I. F. *Pravovaya priroda semeynogo prava kak samostoyatel'noy otrasli rossiyskogo prava* [Legal Nature of Family Law as an Independent Branch of Russian Law]. *Problemy razvitiya predpriyatiy: teoriya i praktika* [Problems of Enterprise Development: Theory and Practice]: a collection of scientific papers. Samara, 2017. Pp. 162–167. (In Russ.).

2. Antokol'skaya M. V. *Semeynoe pravo* [Family Law]: a textbook. Moscow, 1996. 336 p. (In Russ.).

3. Bevzenko R. S. *Kommentariy k st. 8.1 Grazhdanskogo kodeksa RF* [Commentary to Article 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* – Herald of Economic Justice. 2019. Issue 11. Pp. 127–169. (In Russ.).

4. Belasheva Kh. V., Leskova Yu. G. *Semeynyy biznes: pravovye, psikhologicheskie metody i stimuly funktsionirovaniya* [Family Business: Legal, Psychological Methods and Incentives for Functioning]. *Grazhdanskoe pravo* – Civil Law. 2024. Issue 3. Pp. 34–38. (In Russ.).

5. Bogdanova G. V. *Problemy pravovogo regulirovaniya lichnykh i imushchestvennykh otnosheniy mezhdu roditelyami i det'mi: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of Legal Regulation of Personal and Property Relations Between Parents and Children: Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 1999. 181 p. (In Russ.).

6. Braginskiy M. I. *O meste grazhdanskogo prava v sisteme «pravo publichnoe – pravo chastnoe»* [On the Place of Civil Law in the System 'Public Law – Private Law']. *Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava* [Problems of Modern Civil Law]: a collection of articles. Moscow, 2000. Pp. 46–80. (In Russ.).

7. Ganaga V. V. *Publichnaya priroda semeynogo prava v kontekste sotsial'noy bezopasnosti gosudarstva (opyt Germanii i Rossii)* [Public Nature of Family Law in the Context of Social Security of the State (Experience of Germany and Russia)]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* – Actual Problems of Russian Law. 2015. Issue 5. Pp. 75–81. (In Russ.).

8. Deryusheva O. I. *Ob osobennostyakh metoda semeyno-pravovogo regulirovaniya* [On the Features of the Method of Family Law Regulation]. *Tsivilist* – Civilist. 2023. Issue 4. Pp. 67–72. (In Russ.).

9. Dzhandarbek B. A. *Teoreticheskie vzglyady o meste i roli semeynogo prava* [Theoretical Views on the Place and Role of Family Law]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2011. Issue 6. Pp. 27–31. (In Russ.).

10. Dolgov Yu. G. *Okhranyaemye zakonom interesy suprugov, roditeley i nesovershennoletnikh detey v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Interests of Spouses, Parents and Minor Children Protected by Law in Family Law of the Russian Federation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 24 p. (In Russ.).

11. Egupov V. A. *K voprosu o meste semeynogo prava v rossiyskoy pravovoy sisteme* [On the Place of Family Law in the Russian Legal System]. *Konvergentsiya chastnopravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy skvoz' prizmu effektivnosti prava* [Convergence of Private-Law Regulation of Social Relations Through the Prism of the Effectiveness of Law]: a monograph. Ed. by A. N. Levushkin, E. Kh. Nadyseva. Moscow, 2023. Pp. 603–612. (In Russ.).

12. Eliseeva A. A. *Sem'ya i semeynye tsennosti: podkhody k ponimaniyu v usloviyakh sovremennogo prava* [Family and Family Values: Approaches to Understanding in the Context of Modern Law]. *Aktual'nye*

51. Edwards P. E. Gender Issues in Family Law. *Family Court Review*. 1997. Vol. 35. Issue 4. Pp. 424–442. (In Eng.).

52. Elkin M. The Missing Link in Family Law – Humanism. *Family Court Review*. 1976. Vol. 14. Issue 1. Pp. 3–5. (In Eng.).

53. Fernando M. Family Law Proceedings and the Child's Right to Be Heard in Australia, the United Kingdom, New Zealand, and Canada. *Family Court Review*. 2014. Vol. 52. Issue 1. Pp. 46–59. (In Eng.).

54. Firestone G. Models of Collaboration in Family Law. *Family Court Review.* 2004. Vol. 42. Issue 2. Pp. 200–202. (In Eng.).

55. Johnston J. R. Introducing Perspectives in Family Law and Social Science Research. *Family Court Review*. 2006. Vol. 45. Issue 1. Pp. 15–21. (In Eng.).

56. Harman J. J. The Protection of Confidentiality in Australian Family Law. *Family Court Review*. 2020. Vol. 58. Issue 1. Pp. 126–141. (In Eng.).

57. Heenan A. Neoliberalism, Family Law, and the Devaluation of Care. *Journal of Law and Society*. 2021. Vol. 48. Issue 3. Pp. 386–409. (In Eng.).

58. Howe W. J., Scully E. P. Redesigning the Family Law System to Promote Healthy Families. *Family Court Review*. 2015. Vol. 53. Issue 3. Pp. 361–370. (In Eng.).

59. Huntington C. Family Law and Nonmarital Families. *Family Court Review*. 2015. Issue 53. Pp. 233–245. DOI: 10.1111/fcre.12142. (In Eng.).

60. Laird S. E. Family Law, Sex and Society: A Comparative Study of Family Law. *Child & Family Social Work*. 2010. Vol. 15. Issue 3. Pp. 385–386. (In Eng.).

61. Landau B. Family Law Reform – Where Do We Go from Here: Parent's Rights, Children's Rights and the Development of a Coherent Policy for Balancing of Interests. *Family Court Review*. 1988. Vol. 26. Issue 1. Pp. 29–35. (In Eng.).

62. Lempert R. Empirical Research for Public Policy: With Examples from Family Law. *Journal of Empirical Legal Studies*. 2008. Vol. 5. Issue 4. Pp. 907–926. (In Eng.).

63. Lux G., Amundson J. Operationalizing Therapeutic Jurisprudence in the Family Law System. *Juvenile and Family Court Journal.* 2024. Vol. 75. Issue 1. Pp. 1–54. (In Eng.).

64. Lux G., Gill S. Identifying Coercive Control in Canadian Family Law: A Required Analysis in Determining the Best Interests of the Child. *Family Court Review*. 2021. Vol. 59. Issue 4. Pp. 810–827. (In Eng.).

65. Maclean M. Semantics or Sustainability: Socio-Legal Research in Family Law, or Sociology of Law and Family Justice. *Journal of Law and Society*. 2017. Vol. 44. Issue S1. Pp. 61–73. (In Eng.).

66. Mahmood S. Sectarian Conflict and Family Law in Contemporary Egypt. *American Ethnologist.* 2012. Vol. 39. Issue 1. Pp. 54–62. (In Eng.).

67. Malia S. Balancing Family Members' Interests Regarding Stepparent Rights and Obligations: A Social Policy Challenge. *Family Relations.* 2005. Vol. 54. Issue 2. Pp. 298–319. (In Eng.).

68. Marella M. R. The Non-Subversive Function of European Private Law: The Case of Harmonisation of Family Law. *European Law Journal*. 2006. Vol. 12. Issue 1. Pp. 78–105. (In Eng.).

69. Mayer B. Can We Talk? What We Have Learned about How to Have Productive Conflicts about Family Policy and Family Law. *Family Court Review.* 2018. Vol. 56. Issue 1. Pp. 56–63. (In Eng.).

70. Meller P. J. A Paradigm Shift in the Practice of Family Law: A Response to Mosten and Traum. *Family Court Review*. 2018. Vol. 56. Issue 3. Pp. 461–464. (In Eng.).

71. Mosten F. S., Traum L. Interdisciplinary Teamwork in Family Law. *Family Court Review*. 2018. Vol. 56. Issue 3. Pp. 437–460. (In Eng.).

72. Nigel Fricker Q. C. Family Law Is Different. *Family Court Review.* 1995. Vol. 33. Issue 4. Pp. 395–512. (In Eng.).

73. Rathus Z. The Role of Social Science in Australian Family Law: Collaborator, Usurper or Infiltrator? *Family Court Review*. 2014. Vol. 52. Issue 1. Pp. 69–89. (In Eng.).

74. Reece H. The Development of Family Law in the Twentieth Century: Informed Reform or Campaigns and Compromises? *The Modern Law Review*. 2003. Vol. 63. Issue 4. Pp. 608–622. (In Eng.).

75. Rosato J. Reforming a Traditional Family Law Professor. *Family Court Review.* 2006. Vol. 44. Issue 4. Pp. 590–594. (In Eng.).

76. Scheiwe K. Who Is Supported? Social Security for Families with Children Between Family Law and Social Security Regulations in Belgium, Germany and the United Kingdom. *International Social Security Review*. 1994. Vol. 47. Issue 3-4. Pp. 45–67. (In Eng.).

77. Schepard A. Special Issue on Models of Collaboration in Family Law. *Family Court Review*. 2004. Vol. 42. Issue 2. Pp. 197–199. (In Eng.).

78. Schore A., McIntosh J. Family Law and the Neuroscience of Attachment, Part 1. *Family Court Review*. 2011. Vol. 49. Issue 3. Pp. 501–512. (In Eng.).

79. Subramanian N. Legal Change and Gender Inequality: Changes in Muslim Family Law in India. *Law & Social Inquiry.* 2008. Vol. 33. Issue 3. Pp. 631–672. (In Eng.).

80. Swain Sh., Thornton D. Fault, Gender Politics and Family Law Reform. *Australian Journal of Politics & History*. 2011. Vol. 57. Issue 2. Pp. 207–220. (In Eng.).

81. Swennen F., Croce M. Family (Law) Assemblages: New Modes of Being (Legal). *Journal of Law and Society*. 2017. Vol. 44. Issue 4. Pp. 532–558. (In Eng.).

82. Weldon-Johns M. EU Work-Family Policies-Challenging Parental Roles or Reinforcing Gendered Stereotypes? *European Law Journal.* 2013. Vol. 19. Issue 5. Pp. 662–681. (In Eng.).

problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law. 2022. Issue 3. Pp. 67–74. (In Russ.).

13. Il'ina O. Yu. *Lichnaya i semeynaya tayna kak personal'nye dannye grazhdanina* [Personal and Family Secret as Personal Data of a Citizen]. *Garmonizatsiya chastnykh i publichnykh interesov v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii* [Harmonization of Private and Public Interests in Family Law of the Russian Federation]: a monograph. Moscow, 2023. Pp. 348–356. (In Russ.).

14. Il'ina O. Yu. *Problemy interesa v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii* [Problems of Interest in Family Law of the Russian Federation]. Moscow, 2007. 192 p. (In Russ.).

15. Isaenkov A. A. *Rodstvennyy i supruzheskiy immunitety v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Kinship and Spousal Immunities in Civil Proceedings]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2018. Issue 1. Pp. 24–27. (In Russ.).

16. Karibyan S. O. *Semeyno-pravovaya otvetstvennost': sushchnost' i pravoprimenenie* [Family Law Liability: Essence and Law Enforcement]: a monograph. Moscow, 2018. 192 p. (In Russ.).

17. Korkunov N. M. *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. St. Petersburg, 1898. 354 p. (In Russ.).

18. Korolev Yu. A. *Sem'ya kak sub''ekt prava* [Family as a Subject of Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2000. Issue 10. Pp. 61–66. (In Russ.).

19. Kosareva I. A. *Usloviya zaklyucheniya braka i osnovaniya ego nedeystvitel'nosti* [Conditions for Concluding Marriage and Grounds for Its Invalidity]. *Rossiyskaya yustitsiya* – Russian Justice. 2009. Issue 12. Pp. 26–29. (In Russ.).

20. Kosyakov A. Yu. *Pravoprimenenie imperativnykh norm obshchey chasti semeynogo prava* [Law Enforcement of Mandatory Norms of the General Part of Family Law]. *Rossiyskiy sud'ya* – Russian Judge. 2011. Issue 7. Pp. 14–18. (In Russ.).

21. Kuznetsova O. A. *Printsipy grazhdanskogo prava: sovremennoe sostoyanie voprosa* [Principles of Civil Law: Current State of the Issue]. *Vlast' Zakona* – The Rule of Law. 2011. Issue 4. Pp. 88–89. (In Russ.).

22. Levushkin A. N. *K voprosu o ponyatii, predmete i sisteme semeynogo prava Rossii i drugikh gosudarstv-uchastnikov SNG na sovremennom etape razvitiya* [On the Issue of the Concept, Subject and System of Family Law in Russia and Other CIS Member States at the Current Stage of Development]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2013. Issue 5. Pp. 36–39. (In Russ.).

23. Levushkin A. N. *Napravleniya sovershenstvovaniya Semeynogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Directions for Improving the Family Code of the Russian Federation]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2018. Issue 1. Pp. 55–57. (In Russ.).

24. Meyer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]: in 2 pts. Pt. 1. Moscow, 2003. 831 p. (In Russ.).

25. Mikryukov V. A. *Analogiya zakona i analogiya prava v praktike razresheniya semeyno-pravovykh sporov* [Analogy of Statute and Analogy of Law in the Practice of Resolving Family Law Disputes]. Moscow, 2021. 164 p. (In Russ.).

26. Mikheeva L. Yu. *Perspektivy razvitiya semeynogo prava na rubezhe desyatiletiy* [Prospects for the Development of Family Law at the Turn of the Decade]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2020. Issue 3. Pp. 3–5. (In Russ.).

27. Mokhov A. A., Svirin Yu. A. *Novyy podkhod k ponimaniyu instituta sem'i* [A New Approach to Understanding the Institution of Family]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law. 2024. Issue 1. Pp. 5–11. (In Russ.).

28. Nechaeva A. M. *Semeynoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Family Law: Current Problems of Theory and Practice]. Moscow, 2007. 280 p. (In Russ.).

29. Pokrovskiy I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Basic Problems of Civil Law]. 3rd ed. Moscow, 2001. 354 p. (In Russ.).

30. Popondopulo V. F. *Chastnoe i publichnoe pravo kak otrasli prava* [Private and Public Law as Branches of Law]. *Tsivilisticheskie zapiski* [Civil Law Notes]. Moscow, 2002. Pp. 17–40. (In Russ.).

31. Pchelintseva L. M. *Semeynoe pravo Rossii* [Family Law of Russia]: a textbook for universities. 5th ed., rev. Moscow, 2007. 663 p. (In Russ.).

32. Rabets A. M. *Konstitutsionnye printsipy semeynogo prava Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional Principles of Family Law of the Russian Federation]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2023. Issue 4. Pp. 9–11. (In Russ.).

33. Serova O. A. *«Pravovoe prostranstvo» grazhdanskogo prava: problemy konvergentsii chastnopravovogo i publichno-pravovogo regulirovaniya* ['Legal Space' of Civil Law: Problems of Convergence of Private-and-Public Law Regulation]. *Pyatyy Permskiy kongress uchenykh-yuristov* [Fifth Perm Congress of Legal Scientists (Perm, October 24–25, 2014)]: selected proceedings. Moscow, 2015. Pp. 279–283. (In Russ.).

34. Solov'ev V. *Pravo i nravstvennost': ocherki iz prikladnoy etiki* [Law and Morality: Essays on Applied Ethics]. St. Petersburg, 1899. 177 p. (In Russ.).

35. Tarusina N. N. *Sem'ya kak obshchepravovaya konstruktsiya* [Family as a General Legal Construct]. *Lex Russica*. 2020. Issue 4. Pp. 21–33. (In Russ.).

36. Tolstoy Yu. K. *O teoreticheskikh osnovakh kodifikatsii grazhdanskogo zakonodatel'stva* [On the Theoretical Foundations of the Codification of Civil Legislation]. *Pravovedenie* – Jurisprudence. 1957. Issue 1. Pp. 42–55. (In Russ.).

37. Trofimets I. A. *K voprosu o ponyatiynom apparate semeynogo prava: opredelenie yuridicheskikh kategoriy «sem'ya» i «brak»* [On the Issue of the Conceptual Apparatus of Family Law: Definition of the Legal Categories 'Family' and 'Marriage']. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2024. Issue 3. Pp. 20–23. (In Russ.).

References in Russian

1. *Александров И. Ф.* Правовая природа семейного права как самостоятельной отрасли российского права // Проблемы развития предприятий: теория и практика: сборник научных трудов (г. Самара, 16-17 ноября 2017 г.). Самара: Изд-во Самарского гос. экон. ун-та, 2017. С. 162–167.

2. *Антокольская М. В.* Семейное право: учебник. М.: Юристъ, 1996. 336 с.

3. *Бевзенко Р.С.* Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 127–169.

4. *Белашева Х. В., Лескова Ю. Г.* Семейный бизнес: правовые, психологические методы и стимулы функционирования // Гражданское право. 2024. № 3. С. 34–38.

5. *Богданова Г. В.* Проблемы правового регулирования личных и имущественных отношений между родителями и детьми: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 181 с.

6. *Брагинский М. И.* О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» // Проблемы современного гражданского права. М.: Городец, 2000. С. 46–80.

7. *Ганага В. В.* Публичная природа семейного права в контексте социальной безопасности государства (опыт Германии и России) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 75–81.

8. *Дерюшева О. И.* Об особенностях метода семейно-правового регулирования // Цивилист. 2023. № 4. С. 67–72.

9. *Джандарбек Б. А.* Теоретические взгляды о месте и роли семейного права // Семейное и жилищное право. 2011. № 6. С. 27–31.

10. *Долгов Ю. Г.* Охраняемые законом интересы супругов, родителей и несовершеннолетних детей в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 24 с.

11. *Егупов В. А.* К вопросу о месте семейного права в российской правовой системе // Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2023. С. 603–612.

12. *Елисеева А. А.* Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 67–74.

13. *Ильина О. Ю.* Личная и семейная тайна как персональные данные гражданина // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования РФ О. Ю. Ильиной: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2023. С. 348–356.

14. *Ильина О. Ю.* Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.

15. *Исаенков А. А.* Родственный и супружеский иммунитеты в гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 24–27.

16. *Карибян С. О.* Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 192 с.

17. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб.: Изд-во Юрайт, 1898. 354 с.

18. *Королев Ю. А.* Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 61–66.

19. *Косарева И. А.* Условия заключения брака и основания его недействительности // Российская юстиция. 2009. № 12. С. 26–29.

20. *Косяков А. Ю*. Правоприменение императивных норм общей части семейного права // Российский судья. 2011. № 7. С. 14–18.

21. *Кузнецова О. А.* Принципы гражданского права: современное состояние вопроса // Власть Закона. 2011. № 4. С. 88–89.

22. *Левушкин А. Н.* К вопросу о понятии, предмете и системе семейного права России и других государств – участников СНГ на современном этапе развития // Семейное и жилищное право. 2013. № 5. С. 36–39.

23. *Левушкин А. Н.* Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 55–57.

24. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 2003. Ч. 1. 831 с.

25. *Микрюков В. А.* Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров. М.: Статут, 2021. 164 с.

26. *Михеева Л. Ю.* Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–5.

27. *Мохов А. А., Свирин Ю. А.* Новый подход к пониманию института семьи // Современное право. 2024. № 1. С. 5–11.

28. *Нечаева А. М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. 280 с.

29. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. 3-е изд. М.: Статут, 2001. 354 с.

30. *Попондопуло В. Ф.* Частное и публичное право как отрасли права // Цивилистические записки. М.: Статут, 2002. С. 17–40.

31. *Пчелинцева Л. М.* Семейное право России: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. М.: НОРМА, 2007. 663 с.

32. *Рабец А. М.* Конституционные принципы семейного права Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 9–11.

33. *Серова О. А.* «Правовое пространство» гражданского права: проблемы конвергенции частноправового и публично-правового регулирования //

38. Ul'yanova M. V. *Osushchestvlenie i zashchita prav netrudosposobnykh i nuzhdayushchikhsya chlenov sem'i* [Implementation and Protection of the Rights of Unemployable and Needy Family Members]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2022. Issue 3. Pp. 20–25. (In Russ.).

39. Khaletskaya T. M. *O sootnoshenii predmetov semeynogo i grazhdanskogo prava* [On the Relationship Between the Subjects of Family and Civil Law]. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava* – Actual Problems of Civil Law. 2019. Issue 1-2. Pp. 87–88. (In Russ.).

40. Chefranova E. A. *Nepoimenovannye dogovory kak osnovanie regulirovaniya semeynykh otnosheniy* [Unnamed Contracts as a Basis for Regulating Family Relations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2021. Issue 7. Pp. 48–54. (In Russ.).

41. Shershenevich G. F. *Kurs grazhdanskogo prava* [Course in Civil Law]. Tula, 2001. 719 p. (In Russ.).

42. Shershen' T. V. *O prave na sem'yu i probleme opredeleniya ponyatiya sem'i v sovremennom rossiyskom prave* [On the Right for Family and the Problem of Defining the Concept of Family in Modern Russian Law]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2010. Issue 6. Pp. 14–17. (In Russ.).

43. Boshier H. P., Kreeger H. J., Czutrin H. G., Spelman J. The Role of the State in Family Law. *Family Court Review*. Vol. 51. Issue 2. Pp. 184–192. (In Eng.).

44. Bowles G. The Judges' Role in Family Law. *Family Court Review.* 1970. Vol. 8. Issue 1. Pp. 10–12. (In Eng.).

45. Bradley D. Comparative Family Law and the Political Process: Regulation of Sexual Morality in Finland. *Journal of Law and Society.* 2002. Vol. 26. Issue 2. Pp. 175–191. (In Eng.).

46. Bradney A. Duress, Family Law and the Coherent Legal System. *The Modern Law Review.* 1994. Vol. 57. Issue 6. Pp. 963–972. (In Eng.).

47. Chin-A-Fat B. E. S. Challenges and Changes in Dutch Family Law. *Family Court Review*. 2019. Vol. 57. Issue 3. Pp. 349–354. (In Eng.).

48. Cartwright H. S. 21st Century Family Law Prospective. *Family Court Review.* 1989. Vol. 27. Issue 2. Pp. 1–6. (In Eng.).

49. Corns Ch. T. Reform for Australian Family Law. *Australian Journal of Social Issues.* 1983. Vol. 18. Issue 2. Pp. 83–89. (In Eng.).

50. Duncan M. L. Family Law in the United States. *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Family Studies.* 2016. DOI: 10.1002/9781119085621.wbefs538. (In Eng.).

51. Edwards P. E. Gender Issues in Family Law. *Family Court Review*. 1997. Vol. 35. Issue 4. Pp. 424–442. (In Eng.).

52. Elkin M. The Missing Link in Family Law – Humanism. *Family Court Review*. 1976. Vol. 14. Issue 1. Pp. 3–5. (In Eng.).

53. Fernando M. Family Law Proceedings and the Child's Right to Be Heard in Australia, the United Kingdom, New Zealand, and Canada. *Family Court Review*. 2014. Vol. 52. Issue 1. Pp. 46–59. (In Eng.).

54. Firestone G. Models of Collaboration in Family Law. *Family Court Review.* 2004. Vol. 42. Issue 2. Pp. 200–202. (In Eng.).

55. Johnston J. R. Introducing Perspectives in Family Law and Social Science Research. *Family Court Review*. 2006. Vol. 45. Issue 1. Pp. 15–21. (In Eng.).

56. Harman J. J. The Protection of Confidentiality in Australian Family Law. *Family Court Review*. 2020. Vol. 58. Issue 1. Pp. 126–141. (In Eng.).

57. Heenan A. Neoliberalism, Family Law, and the Devaluation of Care. *Journal of Law and Society*. 2021. Vol. 48. Issue 3. Pp. 386–409. (In Eng.).

58. Howe W. J., Scully E. P. Redesigning the Family Law System to Promote Healthy Families. *Family Court Review*. 2015. Vol. 53. Issue 3. Pp. 361–370. (In Eng.).

59. Huntington C. Family Law and Nonmarital Families. *Family Court Review*. 2015. Issue 53. Pp. 233–245. DOI: 10.1111/fcre.12142. (In Eng.).

60. Laird S. E. Family Law, Sex and Society: A Comparative Study of Family Law. *Child & Family Social Work*. 2010. Vol. 15. Issue 3. Pp. 385–386. (In Eng.).

61. Landau B. Family Law Reform – Where Do We Go from Here: Parent's Rights, Children's Rights and the Development of a Coherent Policy for Balancing of Interests. *Family Court Review*. 1988. Vol. 26. Issue 1. Pp. 29–35. (In Eng.).

62. Lempert R. Empirical Research for Public Policy: With Examples from Family Law. *Journal of Empirical Legal Studies*. 2008. Vol. 5. Issue 4. Pp. 907–926. (In Eng.).

63. Lux G., Amundson J. Operationalizing Therapeutic Jurisprudence in the Family Law System. *Juvenile and Family Court Journal.* 2024. Vol. 75. Issue 1. Pp. 1–54. (In Eng.).

64. Lux G., Gill S. Identifying Coercive Control in Canadian Family Law: A Required Analysis in Determining the Best Interests of the Child. *Family Court Review*. 2021. Vol. 59. Issue 4. Pp. 810–827. (In Eng.).

65. Maclean M. Semantics or Sustainability: Socio-Legal Research in Family Law, or Sociology of Law and Family Justice. *Journal of Law and Society*. 2017. Vol. 44. Issue S1. Pp. 61–73. (In Eng.).

66. Mahmood S. Sectarian Conflict and Family Law in Contemporary Egypt. *American Ethnologist.* 2012. Vol. 39. Issue 1. Pp. 54–62. (In Eng.).

67. Malia S. Balancing Family Members' Interests Regarding Stepparent Rights and Obligations: A Social Policy Challenge. *Family Relations.* 2005. Vol. 54. Issue 2. Pp. 298–319. (In Eng.).

68. Marella M. R. The Non-Subversive Function of European Private Law: The Case of Harmonisation of Family Law. *European Law Journal*. 2006. Vol. 12. Issue 1. Pp. 78–105. (In Eng.).

69. Mayer B. Can We Talk? What We Have Learned about How to Have Productive Conflicts about Family Policy and Family Law. *Family Court Review.* 2018. Vol. 56. Issue 1. Pp. 56–63. (In Eng.).

Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24–25 октября 2014 г.). М.: Статут, 2015. С. 279–283.

34. *Соловьев В.* Право и нравственность: очерки из прикладной этики. СПб.: Я. Канторович, 1899. 177 с.

35. *Тарусина Н. Н.* Семья как общеправовая конструкция // Lex russica. 2020. № 4. С. 21–33.

36. *Толстой Ю. К.* О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 42–55.

37. *Трофимец И. А.* К вопросу о понятийном аппарате семейного права: определение юридических категорий «семья» и «брак» // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 20–23.

38. *Ульянова М. В.* Осуществление и защита прав нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи // Семейное и жилищное право. 2022. № 3. С. 20–25.

39. *Халецкая Т. М.* О соотношении предметов семейного и гражданского права // Актуальные проблемы гражданского права. 2019. № 1-2. С. 87–88.

40. *Чефранова Е. А.* Непоименованные договоры как основание регулирования семейных отношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 7. С. 48–54.

41. *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 719 с.

42. *Шершень Т. В.* О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 6. С. 14–17.

43. *Boshier H. P., Kreeger H. J., Czutrin H. G., Spelman J.* The Role of the State in Family Law // Family Court Review. Vol. 51. Issue 2. Pp. 184–192.

44. *Bowles G.* The Judges' Role in Family Law // Family Court Review. 1970. Vol. 8. Issue 1. Pp. 10–12.

45. *Bradley D.* Comparative Family Law and the Political Process: Regulation of Sexual Morality in Finland // Journal of Law and Society. 2002. Vol. 26. Issue 2. Pp. 175–191.

46. *Bradney A.* Duress, Family Law and the Coherent Legal System // The Modern Law Review. 1994. Vol. 57. Issue 6. Pp. 963–972.

47. *Chin-A-Fat B. E. S.* Challenges and Changes in Dutch Family Law // Family Court Review. 2019. Vol. 57. Issue 3. Pp. 349–354.

48. *Cartwright H. S.* 21st Century Family Law Prospective // Family Court Review. 1989. Vol. 27. Issue 2. Pp. 1–6.

49. *Corns Ch.T.* Reform for Australian Family Law // Australian Journal of Social Issues. 1983. Vol. 18. Issue 2. Pp. 83–89.

50. *Duncan M. L.* Family Law in the United States // The Wiley Blackwell Encyclopedia of Family Studies. 2016. Pp. 112–121 DOI: 10.1002/9781119085621.wbefs538.

51. *Edwards P. E.* Gender Issues in Family Law // Family Court Review. 1997. Vol. 35. Issue 4. Pp. 424–442.

52. *Elkin M.* «The Missing Link in Family Law –Humanism // Family Court Review. 1976. Vol. 14. Issue 1. Pp. 3–5.

53. *Fernando M.* Family Law Proceedings and the Child's Right to be Heard in Australia, the United Kingdom, New Zealand, and Canada // Family Court Review. 2014. Vol. 52. Issue 1. Pp. 46–59.

54. *Firestone G.* Models of Collaboration in Family Law // Family Court Review. 2004. Vol. 42. Issue 2. Pp. 200–202.

55. *Johnston J. R.* Introducing Perspectives in Family Law and Social Science Research // Family Court Review. 2006. Vol. 45. Issue 1. Pp. 15–21.

56. *Harman J. J.* The Protection of Confidentiality in Australian Family Law // Family Court Review. 2020. Vol. 58. Issue 1. Pp. 126–141.

57. *Heenan A.* Neoliberalism, Family Law, and the Devaluation of Care // Journal of Law and Society. 2021. Vol. 48. Issue 3. Pp. 386–409.

58. *Howe W. J., Scully E. P.* Redesigning the Family Law System to Promote Healthy Families // Family Court Review. 2015. Vol. 53. Issue 3. Pp. 361–370.

59. *Huntington C.* Family Law and Nonmarital Families // Family Court Review. 2015. Issue 53. Pp. 233–245. DOI: 10.1002/9781119085621.wbefs538.

60. *Laird S. E.* Family Law, Sex and Society: A Comparative Study of Family Law // Child & Family Social Work. 2010. Vol. 15. Issue 3. Pp. 385–386.

61. *Landau B.* Family Law Reform – Where Do We Go from Here: Parent's Rights, Children's Rights and the Development of a Coherent Policy for Balancing of Interests // Family Court Review. 1988. Vol. 26. Issue 1. Pp. 29–35.

62. *Lempert R.* Empirical Research for Public Policy: With Examples from Family Law // Journal of Empirical Legal Studies. 2008. Vol. 5. Issue 4. Pp. 907–926.

63. *Lux G., Amundson J.* Operationalizing therapeutic jurisprudence in the family law system // Juvenile and Family Court Journal. 2024. Vol. 75. Issue 1. Pp. 1–54.

64. *Lux G., Gill S.* Identifying Coercive Control in Canadian Family Law: A Required Analysis in Determining the Best Interests of the Child // Family Court Review. 2021. Vol. 59. Issue 4. Pp. 810–827.

65. *Maclean M.* Semantics or Sustainability: Socio-legal Research in Family Law, or Sociology of Law and Family Justice // Journal of Law and Society. 2017. Vol. 44. Issue S1. Pp. 61–73.

66. *Mahmood S.* Sectarian conflict and family law in contemporary Egypt // American Ethnologist. 2012. Vol. 39. Issue 1. Pp. 54–62.

67. *Malia S.* Balancing family members' interests regarding stepparent rights and obligations: A social policy challenge // Family Relations. 2005. Vol. 54. Issue 2. Pp. 298–319.

68. *Marella M. R.* The Non-Subversive Function of European Private Law: The Case of Harmonisation of Family Law // European Law Journal. 2006. Vol. 12. Issue 1. Pp. 78–105.

70. Meller P. J. A Paradigm Shift in the Practice of Family Law: A Response to Mosten and Traum. *Family Court Review*. 2018. Vol. 56. Issue 3. Pp. 461–464. (In Eng.).

71. Mosten F. S., Traum L. Interdisciplinary Teamwork in Family Law. *Family Court Review*. 2018. Vol. 56. Issue 3. Pp. 437–460. (In Eng.).

72. Nigel Fricker Q. C. Family Law Is Different. *Family Court Review.* 1995. Vol. 33. Issue 4. Pp. 395–512. (In Eng.).

73. Rathus Z. The Role of Social Science in Australian Family Law: Collaborator, Usurper or Infiltrator? *Family Court Review*. 2014. Vol. 52. Issue 1. Pp. 69–89. (In Eng.).

74. Reece H. The Development of Family Law in the Twentieth Century: Informed Reform or Campaigns and Compromises? *The Modern Law Review*. 2003. Vol. 63. Issue 4. Pp. 608–622. (In Eng.).

75. Rosato J. Reforming a Traditional Family Law Professor. *Family Court Review.* 2006. Vol. 44. Issue 4. Pp. 590–594. (In Eng.).

76. Scheiwe K. Who Is Supported? Social Security for Families with Children Between Family Law and Social Security Regulations in Belgium, Germany and the United Kingdom. *International Social Security Review*. 1994. Vol. 47. Issue 3-4. Pp. 45–67. (In Eng.).

77. Schepard A. Special Issue on Models of Collaboration in Family Law. *Family Court Review*. 2004. Vol. 42. Issue 2. Pp. 197–199. (In Eng.).

78. Schore A., McIntosh J. Family Law and the Neuroscience of Attachment, Part 1. *Family Court Review*. 2011. Vol. 49. Issue 3. Pp. 501–512. (In Eng.).

79. Subramanian N. Legal Change and Gender Inequality: Changes in Muslim Family Law in India. *Law & Social Inquiry.* 2008. Vol. 33. Issue 3. Pp. 631–672. (In Eng.).

80. Swain Sh., Thornton D. Fault, Gender Politics and Family Law Reform. *Australian Journal of Politics & History*. 2011. Vol. 57. Issue 2. Pp. 207–220. (In Eng.).

81. Swennen F., Croce M. Family (Law) Assemblages: New Modes of Being (Legal). *Journal of Law and Society*. 2017. Vol. 44. Issue 4. Pp. 532–558. (In Eng.).

82. Weldon-Johns M. EU Work-Family Policies-Challenging Parental Roles or Reinforcing Gendered Stereotypes? *European Law Journal.* 2013. Vol. 19. Issue 5. Pp. 662–681. (In Eng.).

Информация об авторе:

Д. А. Кокова
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова
360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173;

Нотариус
Чегемский нотариальный округ
Кабардино-Балкарской Республики
361400, Россия, г. Чегем, ул. Героя России А. С. Кярова, 95в

ORCID: 0009-0002-2618-9852
ResearcherID: NRB-2700-2025

About the author:

D. A. Kokova
Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov
173, Chernyshevskogo st., Nalchik, 360004, Russia

Chegem Notarial District of the Kabardino-Balkarian Republic
95v, Geroya Rossii A. S. Kyarova st., Chegem, 361400, Russia

ORCID: 0009-0002-2618-9852
ResearcherID: NRB-2700-2025

69. *Mayer B.* Can We Talk? What We Have Learned about How to Have Productive Conflicts About Family Policy and Family Law // Family Court Review. 2018. Vol. 56. Issue 1. Pp. 56–63.

70. *Meller P. J.* A Paradigm Shift in the Practice of Family Law: A Response to Mosten and Traum // Family Court Review. 2018. Vol. 56. Issue 3. Pp. 461–464.

71. *Mosten F. S., Traum L.* Interdisciplinary Teamwork in Family Law // Family Court Review. 2018. Vol. 56. Issue 3. Pp. 437–460.

72. *Nigel Fricker Q.C.* Family Law Is Different // Family Court Review. 1995. Vol. 33. Issue 4. Pp. 395–512.

73. *Rathus Z.* The Role of Social Science in Australian Family Law: Collaborator, Usurper or Infiltrator? // Family Court Review. 2014. Vol. 52. Issue 1. Pp. 69–89.

74. *Reece H.* The Development of Family Law in the Twentieth Century: Informed Reform or Campaigns and Compromises? // The Modern Law Review. 2003. Vol. 63. Issue 4. Pp. 608–622.

75. *Rosato J.* Reforming a Traditional Family Law Professor // Family Court Review. 2006. Vol. 44. Issue 4. Pp. 590–594.

76. *Scheiwe K.* Who is supported? Social security for families with children between family law and social security regulations in Belgium, Germany and the United Kingdom // International Social Security Review. 1994. Vol. 47. Issue 3-4. Pp. 45–67.

77. *Schepard A.* Special Issue on Models of Collaboration in Family Law // Family Court Review. 2004. Vol. 42. Issue 2. Pp. 197–199.

78. *Schore A., McIntosh J.* Family Law and the Neuroscience of Attachment, Part 1 // Family Court Review. 2011. Vol. 49. Issue 3. Pp. 501–512.

79. *Subramanian N.* Legal Change and Gender Inequality: Changes in Muslim Family Law in India // Law & Social Inquiry. 2008. Vol. 33. Issue 3. Pp. 631–672.

80. *Swain Sh., Thornton D.* Fault, Gender Politics and Family Law Reform // Australian Journal of Politics & History. 2011. Vol. 57. Issue 2. Pp. 207–220.

81. *Swennen F., Croce M.* Family (Law) Assemblages: New Modes of Being (Legal) // Journal of Law and Society. 2017. Vol. 44. Issue 4. Pp. 532–558.

82. *Weldon-Johns M.* EU Work-Family Policies-Challenging Parental Roles or Reinforcing Gendered Stereotypes? // European Law Journal. 2013. Vol. 19. Issue 5. Pp. 662–681.

About the author:

D. A. Kokova
Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov
173, Chernyshevskogo st., Nalchik, 360004, Russia

Chegem Notarial District of the Kabardino-Balkarian Republic
95v, Geroya Rossii A. S. Kyarova st., Chegem, 361400, Russia

ORCID: 0009-0002-2618-9852
ResearcherID: NRB-2700-2025

Информация об авторе:

Д. А. Кокова
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова
360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173;

Нотариус
Чегемский нотариальный округ
Кабардино-Балкарской Республики
361400, Россия, г. Чегем, ул. Героя России А. С. Кярова, 95в

ORCID: 0009-0002-2618-9852
ResearcherID: NRB-2700-2025